

Андрей Белянин

Игорь Касилов

Гаврюша и Красивые

Продается квартира с домовым. Дешево.
Срочно. Пожалуйста-а-а!

**Андрей Олегович Белянин
Игорь Касилов
Гаврюша и Красивые**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524797
Гаврюша и Красивые: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-1958-6*

Аннотация

Все началось с того, что первоклассник Егорка обнаружил у себя в квартире домового. Обычного, невысокого, с рыжей бородой, в лаптях и рубашке навывпуск. Правда, рассказывать сказки на ночь его новый друг не умел. Зато отлично втягивал в саму сказку и Егора, и его родителей, а потом и сама сказка решила заявиться в реальный мир. Почему нет? Тем более что получением диплома и сертификата на волшебство домового Гаврюша так и не озаботился. Но колдовать без разрешения – это ж куда веселее!

Поехали, братцы?!

Содержание

Пролог	4
Глава первая,	5
Глава вторая,	10
Глава третья,	15
Глава четвёртая,	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Белянин, Игорь Касилов

Гаврюша и Красивые

Пролог

Дом в переулке

В узком московском переулке с редким названием Маленькое Гнездо стоит дом. Он очень старый и похож на отставного офицера царской армии. Рост его два этажа, чердак да крыша. Холодной зимой смолит ветеран дымовыми трубами, как папиросами. Подъезд в доме высокий, торжественный, даже когда о порог трётся заблудшая кошка. Умей домик ходить, то наверняка бы прихрамывал и кряхтел. Стены-уши его безнадежно глухи, глаза-окна часто слезятся, а деревянные ступени под весом жильцов и гостей непременно сгуют на жизнь. Вот она, старость памятника культуры.

В советские времена здесь размещалось общежитие, а когда пришли времена офисов и банков, всех расселили. К счастью, дом не стал ни офисом, ни банком, потому что находился далеко от проспектов и широких улиц. В доме устроили четыре квартиры с удобствами и поселили новых жильцов. Третью занимает семья Красивых. С большой буквы, потому что это Фамилия. Досталась она Валентину Валентиновичу Красивому, как полагается, от папы, а нынче он и сам дважды отец. У Валентина Валентиновича есть жена Александра Александровна, семнадцатилетняя дочь Глаша и семилетний сынишка Егор. Все тоже, разумеется, Красивые. А вот кто такой Гаврюша, где живёт и что делает, узнать непросто.

Но мы постараемся вам рассказать...

Глава первая, в которой всё странным образом исчезает и появляется

Утро началось с того, что папа вляпался в очередную лужицу, на этот раз голой левой ступнёй. Предыдущая неприятность досталась правой ступне, и ей повезло меньше, потому что, когда на вашей ноге носок и вы становитесь на мокрое, вас переполняют уже двойные чувства.

– Егор! – позвал папа, изучая расположение мокрых мест на паркете.

Звать приходилось шёпотом, потому что, как сказала вчера мама, «только на твоей работе могут догадаться устроить совещание в субботу с утра пораньше». Папа тогда молча пожал плечами и обещал собраться тихо.

Следы привели его в ванную. Ничего не подозревающий сын, увлечённый игрой, встретил отца командой «Пли!» и залпом многочисленных брызг. Увернуться Валентин Валентинович не успел, за что и был поражён прямым попаданием в единственную отглаженную рубашку. Весьма кстати вспомнились следующие слова мамы о том, что «только наш папа, в отличие от нормальных людей, одевается до умывания». Слава богу, брюки он ещё не надевал.

Папа предусмотрительно прикрыл дверь и сделал строгое лицо. Ванна была наполнена почти до краёв. Сын сосредоточенно сопел рядом и возился с бумажными корабликами.

– Егор! Почему ты не спишь?!!

Мальчик вздрогнул и обернулся. Убедившись, что мама на горизонте отсутствует (а с папой всегда можно договориться), он принялся закатывать мокрые рукава пижамы.

– Пап, я уберу. Она даже не догадается, пап. Классно, правда? – Младший улыбнулся, показывая на кораблики. – Королевский флот снова потерпел поражение! «Чёрная жемчужина» ушла в последний миг! Пираты на свободе! Давай играть, пап? Я дам тебе шлюпку... возможно... одну.

– Егор! Где мой носок?! Я опаздываю!!!

– Не знаю, – не сразу ответил мальчик, разглядывая белую ступню Валентина Валентиновича и переводя взгляд на носок. – А ты можешь одолжить мне этот?

– Зачем? – Папа тоже посмотрел вниз.

– Он же чёрный, как самый всамделишный пиратский флаг! Чёрный флаг! Чёрный флаг! Чёрный флаг!

– О боже... – Вал Валыч (родные так называли Валентина Валентиновича для краткости) поспешил покинуть ванную комнату и осторожно просочился в спальню.

– Что делает наш сын? – спросила в подушку мама.

– У него там... – папа потянулся к шкафу, но ящик с бельём категорически отказывался выдвигаться, – морская баталия. Спи, Сашенька, Егор уберётся, лужи вытрет...

На миг он прикусил язык и остановился, чтобы понять – последние два слова на самом деле были сказаны вслух или он только о них подумал. Мама ничего переспрашивать не стала, а пронеслась мимо с рёвом полицейской машины. Её оживлённая беседа с несовершеннолетним пиратом развеяла сомнения – отец сболтнул лишнее.

Вал Валыч перерыл свой ящик, но парных носков не нашёл ни одной пары. Горько вздохнув, решил на левый в тёмно-зелёную клетку. «Зато сухой!» – утешил он себя, натянул носок, нырнул в брюки, заправил обрызганную рубашку и поспешил удрать в прихожую.

Глаша Красивая – сова. Не птица, конечно, а в том смысле, что утра для неё не существует часов так до одиннадцати-двенадцати. В отличие от мамы, готовой подскакивать от любого звука, молодая девушка уверена, что в субботу её никакая собака не разбудит.

На этот раз она ошиблась.

Виноват, конечно, их сосед по этажу, батрахолог Иннокентий Иванович, которого угораздило начать ремонт и дружить с родителями. Глаша тёплых чувств к нему не испытывала, потому что боялась его гигантских жаб, как... как обычные девушки боятся рептилий. И сам он похож на рептилию: глазки бусинками, лысый, и вечная улыбка тонких губ до ушей.

Дело в том, что хитроумный Иннокентий Иванович уломал маму и папу поддержать у себя на время ремонта его старый велосипед. Тот самый велосипед, который папа, стараясь смыться по-тихому, и уронил как Эйфелеву башню, себе же на ногу.

Глаша резко переключилась из режима «сон» в режим «какого лешего?» и грозно ссутулилась на кровати, потирая глаза. Сердитая Александра Александровна высунулась из ванной и вместо того, чтобы пожелать папе хорошего дня, возмутилась:

– Я же просила убрать его на балкон! А если бы он грохнулся на ребёнка?!!

– Значит, меня тебе не жалко? – стонал папа, прыгая на одной ноге и морщась от боли.

– Я больше беспокоюсь за паркет и Иннокентия Ивановича, – честно призналась мама и сосредоточила внимание на мокром сыне. – Егорушка, обещай, что больше не будешь тут разводить синее море, хорошо?

Мальчик обнимал скисшие бумажные корабли, с тоской глядя на убегающую в сливное отверстие воду.

– Мам, вот подумай, мам! На улице холодно, на кухне посуда грязная, в унитазе тесно. Куда ж я ещё пойду? А ты мне дашь фен корабрики посушить?

– Вот ещё! – Глаша перехватила у мамы право ответа. Ей не терпелось занять совмещённый санузел минут так на сорок с песнями, феном и парой тайных звонков по мобильнику. – Строже надо с ним, мама, строже, как с папой.

Егор приветствовал сестру высунутым языком, та по традиции показала свой. Тогда мальчик решил выступить с речью.

– Как вы не понимаете, я расту, познаю мир, мне надо развиваться! Вот вырасту и буду как вы – спать, есть, работать и сидеть в Интернете. А сейчас мне надо с кем-то играть. Вам некогда, потому что пока вам надо спать, есть, работать и сидеть в Интернете... Я всё понимаю, но и вы поймите меня. Знаете что? – Егор вручил мокрый флот матери и обвёл своих женщин взглядом человека, обладающего сокровенной истиной. – Настоящие пираты носят серьги, как у девочек, только одну!

Глафира закатила глаза, а мама улыбнулась.

– Ума не приложу, где взять серьгу? – признался Егор, наблюдая за реакцией сестры.

– Так, понятно, – сквозь зубы выдавила Глаша и потянула дверь ванной на себя. – Но ничем помочь не могу, самой мало.

Мама погладила сына по голове и повела переодеваться в другую комнату.

– Мама, почему вы никто не хотите играть со мной? – Сын послушно вытянул руки, помогая маме снимать с него мокрую пижаму. – Да, я понимаю, папа обеспечивает семью, – (мама серьёзно кивнула), – ты готовишь еду, наводишь порядок и говоришь папе, какого числа вы поженились, – (мама снова кивнула, а Егор позволил ей натянуть на него новую футболку), – а Глашка... мечтает подцепить классного парня, я слышал...

– Отсюда поподробнее. – Мама села на корточки, чтобы видеть честное лицо сына.

– Мама, ты не понимаешь? В их возрасте им нужен или спортивный парень, или взрослый мужик на БМВ.

– Это Глаша сказала?

– Я могу уточнить...

– Не беспокойся, мама сама уточнит.

Пришло время завтрака. Егорушка сидел перед тарелкой овсянки, заботливо приготовленной мамой, и показывал эту вязкую жижу двум пластмассовым пиратам. Разбойники «наклонились», «поглядели» нарисованными глазами и «повалились замертво». Пока мама наливала себе зелёного чая, Егор плеснул немного молока из стакана в бумажный кораблик.

Александра Александровна старалась быть примером для сына и первые три ложки каши съела с почти убедительным наслаждением.

– А ты знаешь, морячок, что у каждого великого пирата, у англичан особенно, ни один завтрак не обходился без овсянки и... – Мама Саша сделала опрометчивую паузу.

– ...и бутылки рома, – машинально закончил сын, косясь на стакан.

– Придумал ещё! – чуть не поперхнулась ласковая мама и вручила сыну ложку. – Вот твоё оружие. Присоединяйся.

Пока она пыталась легко проглотить следующие три дозы каши, Егор скорчил в ложку несколько забавных гримас.

– Мам, а можно я с Глашей поделюсь?

На кухню влетела сестра, привычно сжимая сотовый между ухом и плечом, что здорово портило осанку. Девушка распахнула холодильник, взяла брусок копчёного мяса и бросила добычу на разделочную доску посреди «настоящего пиратского завтрака». Блеснул кухонный нож.

Количества нарубленных Глашей кусочков запросто могло хватить на одну пиратскую пирушку с фейерверком и попугаями на десерт. Недорезанное мясо вернулось в холодильник, и сестрица приступила к поеданию прямо с разделочной доски, хмыкая и угукая в трубку. Её первобытный завтрак был дополнен бокалом растворимого кофе с тремя ложками сахара. Она запивала мясо большими глотками голодной пещерной охотницы.

Мама наблюдала за Глашей с завистью, а Егор с восхищением.

– У неё большие шансы стать пиратом, – тихо сказал он маме. – Но есть ещё один вариант.

– Какой? – так же тихо, под жевание и мычание дочери спросила мама.

– Если в пираты примут меня, мы украдём её и продадим в арабский гарем.

Александра Александровна прикрыла рот рукой.

– Мама, я сегодня иду к Светке на день рождения, – сказала Глаша. Не расставаясь с трубкой, она принялась оглядывать себя в области живота. – Опять наемся...

Мама утопила ложку в каше и потянулась за салфеткой. Дочь сделала последний смачный глоток из кружки и покинула кухню. На разделочной доске оставалось несколько соблазнительных ароматных кусочков копчёного мяса. Мама Саша взяла чистую тарелку для второго и накрыла их, чтобы смотреть на что-нибудь другое.

– Пираты не ели овсянку, – разочарованно признал Егор. – Ясно как день.

Он отодвинул тарелку и смело встретил осуждающий мамин взгляд.

– Это ещё почему? – спросила она, стараясь быть непроницаемой.

– Потому что у них не было мам, которые сидят на диете.

– Вот придумал! – обиделась мама. – Не хочешь, не ешь.

– Спасибо. – Егор слез со стула, собрал игрушки и, явно повеселев, побежал играть.

Мама убедилась, что её не видят, и потянулась к разделочной доске, приподняла тарелку... сняла совсем... Пусто!

Женщина вздрогнула. Какой фокусник это сделал, неужели Егор? Когда успел? Поглядев по сторонам, Красивая нагнулась и посмотрела под столом. Ничего она там не нашла.

Тем временем Глаша бросила телефон на взбаламученную постель и порхнула к шкафу. Она довольно быстро подобрала платье и повесила его на ручку. Последовали прихорашивания и приготовления, всё двигалось как по маслу, пока не подошла очередь

серёжек. Из тех, что были нужны, нашлась только одна. В голове сверкнуло нехорошее воспоминание: до завтрака брат кланчил пиратские серьги. Подозрения заставили девушку на цыпочках выйти из комнаты.

– Братец, ты где?

Ответом на строгий призыв был лёгкий укол пластмассовой шпаги в спину.

– Теперь вы моя пленница, леди! – объявил он торжественно и поклонился. – Я продам вас в арабский гарем. Задорого.

Глаша развернулась, ухватила конец шпаги и затащила брата на свою территорию. Там ему молча была предъявлена единственная серьга. Он долго разглядывал вещицу, затем расплылся в улыбке и, насколько хватило рук, обнял сестрёнку.

– Спасибо, ты добрая! Это и вправду мне?

– Где вторая? – Вопрос отменил процесс родственных объятий и повернул общение в иное русло.

– Я не брал! – уверенно ответил Егор и заморгал.

– Точно?

Он отступил на шаг, чтобы вернуться в роль благородного разбойника и принять позу, соответствующую моменту.

– Я хоть и пират, молодая леди, но вещи сестры без спросу не беру.

– Ладно, иди. – Глаша проводила его взглядом, которым обычно провожают тяжело-больных, и вздохнула, понимая, что надо подобрать другие серьги. Ничего не поделаешь.

Гордо задрав подбородок, Егор удалился.

В прихожей снова рухнул велосипед.

– Тысяча чертей! – грозно проорал мальчик.

Из кухни, протирая тарелку, вышла мама.

– Ошибаешься, сын, только один. Что так быстро, Пекло закрыто на ремонт?

Вал Валыч обнимал коленку одной ноги, приплясывая на другой.

– Вы только посмотрите! – воскликнула мама Саша. – Да на нём носки разные!

– Я забыл права, – еле выдавил папа.

– Ты хоть видел, что надевал на себя?! – не унималась она.

– Видел! Искал! Других в доме нет! Они все пропали!!!

К событию присоединилась Глафира, которая тонко присмотрелась к проблеме с другой стороны:

– Вы не заметили? Пропадают парные вещи.

– И непарные тоже, – добавил папа, после чего прекратил жалеть ушибленную конечность и с видом медведя, пытающегося после спячки найти зубную щётку, полез во все ящики прихожей разыскивать водительскую карточку. Сопел и кряхтел он совершенно по-медвежьи.

– Ты прав, – сказала мама, – нарезка тоже исчезла, прямо из-под этой тарелки. – Она продемонстрировала белоснежную тарелку для второго, с которой уже не расставалась.

Однако под скептическим взглядом дочери смутилась и пошла на попятный.

– Если, конечно, Егорушка... – тихо, будто оправдываясь, начала мама Саша. Но запнулась и больше ничего не говорила, наблюдая за тем, как папа энергично погружает прихожую в хаос, выкидывая из всех ящиков всё, что возможно.

– Лопни моя селезёнка, если я не знаю, кто это! – патетически возопил Егор.

– Скажи, сын, скажи, – пробубнил под нос папа, не вставая с четверенек и окунаясь в очередной ящик. – Может, нам станет легче.

– Всё подстроил домовой, однозначно!

– Домовой? – Сестра оперлась спиной о косяк своей комнаты. – Одноглазый, хромым и с попугаем на плече?

– Да нет же, обычный русский домовый, – объяснил Егор. – Он играет. Прячет вещи и смотрит, что мы будем делать.

Папа оторвался от поисков и встал буквой Г, упираясь руками в колени.

– Тот, кто прячет чужие вещи и смотрит, как я теряю работу, должен сидеть в тюрьме.

– Я знаю, что делать. – Егор сложил руки кренделем. – Надо сказать громко: «Домовой, поиграй и обратно всё отдай!»

– Это его бабушка научила, – с ходу поставила диагноз сестра.

– Я вашему домовому и не такое заряду, – в свою очередь отреагировал отец. – Здесь другие слова нужны, дедушкины, те, что он мне по секрету про депутатов говорил.

– А я верю тебе, сынок! – поддержала Егора мама и подмигнула дочери. – Домовой, поиграй и обратно всё отдай! Эй, Вал Валыч, скажи, жалко, что ли?

– Не жалко. – Папа выпрямился и разогнул спину, хватаясь за поясницу. – Домовой, поиграй и обратно всё отдай, а не отдашь, сам будешь за квартиру платить и Глаше на баланс класть. Глаша, дочь, ты согласна?

– Нет уж. – Девушка встала руки в боки и попеременно зыряка то на отца, то на мать. Потом плюнула, сподобилась-таки произнести бабушкино заклинание: – Домовой, поиграй и обратно всё отдай. А ещё у меня губная помада заканчивается, стырь у кого-нибудь, пожа-а-алуйста, очень надо!

– Размечталась, – обрезал Вал Валыч и засунул руки в карманы брюк. Лицо его стало озабоченным. – Что за чертовщина?!

Папа вынул правую руку, сжимая водительскую карточку.

– Вот видите! Видите! – обрадовался мальчик и запрыгал на месте. – А вы не верили! Он хороший, просто с ним никто не играет, как со мной.

– Сейчас проверим! – Мама с азартом побежала в спальню, откуда скоро вернулась с парой одинаковых чёрных носков. Она положила их на протянутую папину руку. – В следующий раз, дорогой, попроси домового и рубашку тебе погладить. Он хороший, он не откажет.

– Хорошо, – послушно ответил папа, всё ещё не веря в происходящее. – Ну я пойду?

Быстро, словно улики, он рассовал находки по карманам и, придерживая велосипед, покинул квартиру. Мама повернулась к Глаше. Та стояла вылупив глаза.

– Твоя очередь, доченька.

– Сходи глянь, – поддержал маму довольный мальчик. – Твои серьги снова вместе.

– Ой ли?! – разворачиваясь, фыркнула Глаша, но в комнату вернулась.

Брат и мама, не удержавшись, пошли следом.

– Вот они, на шкатулке!!! – весело пропищал Егорушка и принял позу летящего Супермена. – Спасибо, домовый! Ты отличный парень!

– Повезло тебе, братишка. – Сестра подобрала серьги. – Ладно, так уж и быть... – Она открыла шкатулку, пошуршала там и достала пару клипс. – На, возьми. Одна сломана, а вторая пока держится. Пользуйся. Только скажи своему домовому, что я не шутила насчёт помады.

Егорушка, получив столь долгожданный и неожиданный подарок, сию секунду отправился пиратствовать в детскую, а мама обняла Глашу и молча поцеловала в висок.

До самого вечера Александра Александровна бродила по кухне, бурчала под нос, поднимала скатерть, заглядывала в холодильник. Копчёного мяса домовой ей так и не вернул.

Глава вторая, в которой Егор знакомится с Гаврюшей

Егор задумчиво ощупывал пластмассового пирата. Был хмурый декабрьский вечер, время не детское, поэтому мальчик лежал в кроватке, а мама сидела рядом, на краешке, и гладила его вихры.

– Пойми, сынок, так получилось. Мы с папой работаем, Глаше надо в институт, а в школе карантин. Знаешь, что происходит, когда где-нибудь карантин?

– Знаю, – он отвернулся к стенке, – родители забирают детей из школы, бросают дома одних, а сами бегут на работу, как на распродажу...

– Никто никого не бросает. – Мама улыбнулась тёплой, летней улыбкой. – Во время карантина двери школы закрыты для всех.

– Даже для директора? – недоверчиво покосился на неё Егорушка.

– Даже для директора. И вообще, чего ты расстраиваешься? Надо просто пару часиков подождать бабушку, она к обеду будет здесь и посидит с тобой до нашего с папой возвращения.

– Посидит или поиграет?

– И посидит, и поиграет, и обедом накормит, и сказку расскажет. Обещай мне хорошо себя вести, ладно? Ничего не трогай, особенно стиральную машину и микроволновку.

– Мам... – Обиды в голосе поубавилось.

– Что, сынуля?

– Сделай что-нибудь вкусное на завтрак...

– Хорошо, – обнадёжила она, но честно внесла поправку: – Если не просплю.

В глазах у мальчика мелькнула идея.

– А ты попроси домового! Он тебя точно разбудит! – Егор даже сел от осенившей его мысли. – Хочешь, сам попрошу?

– По рукам! – охотно подыграла мама Саша. – Попроси. Только, чур, без щекотания пяток, я страшно этого боюсь. А теперь спать, милый.

Сын кивнул и плюхнулся на подушку. С чувством выполненного долга мама поднялась и тихо покинула детскую.

– Эй! – громко прошептал семилетний мальчик сквозь полумрак. – Домовой, ты слышал? Разбуди их на часок пораньше, пожалуйста! Мама сделает вкусненькое. Обещаю поделиться, честное пиратское!

– У нашего героя новая фишка, – сказала мама, вернувшись в спальню к мужу и натягивая одеяло до самого подбородка (папа пребывал в состоянии полудрёмы). – Думаю, пираты скоро закончатся и он полностью переключится на домового.

– У нашего руководства тоже новая тема, – медленно произнёс папа, – стоять утром на улице и встречать опоздавших. Родная, если я просплю, лучше пристрели меня дома...

Мама погладила мужа по уху и поцеловала в затылок.

– Спи, мой хороший, твой сын заказал у домового побудку.

– Вот как... и чего мы, дураки, будильников поназаводили?

Скоро они уснули.

Ровно в пять, когда за окном не спали только снежинки и редко проезжавшие автомобили, велосипед Иннокентия Ивановича рухнул.

Родители так и сели, глядя друг на друга отмороженными сусликами.

– Воры, – предположила худшее мама.

– Кошка, – оптимистично возразил папа.

– Откуда?

– Чужая. Мы забыли закрыть дверь, она вошла, потёрлась и уронила...

– А что, если её зашибло насмерть?!

Оба родителя влезли в тапки и с видом опытных злоумышленников стали прокрадываться в прихожую. Включив свет и удостоверившись, что входная дверь заперта, а кошки нет и в помине, они отправились досыпать.

Встали мама и папа строго по будильнику, поэтому после их отбытия на работу Егор прочитал вот такую записку: «СЫН! НА ЗАВТРАК БУТЕРБРОДЫ И МОЛОКО. ПРОСТИ, Я НЕ УСПЕЛА. ЖДИ БАБУЛЮ И НЕ ГРУСТИ!»

Мальчик отбросил листок, потёр заспанные глаза и вздохнул. Он сидел за кухонным столом, глядя на ненавистный стакан с молоком от «Кубанской бурёнки». Сонную голову приходилось держать руками, упираясь локтями в скатерть. Бутерброды с паштетом вызывали сильное желание сложить их в мусорное ведро и забыть навеки.

Егор сполз со стула, решив поискать замену бутербродам в холодильнике. Хотелось горячих, душистых блинчиков с ежевичным вареньем, компота из сухофруктов и чтобы вся семья сидела рядом, включая Глашу – так и быть. Содержимое холодильника не вдохновило, он захлопнул дверцу, развернулся и... увидел, как маленький дядька с рыжими волосами, в пижаме с заплатками и вязаных полосатых носках сидит на его стуле, жуёт выуженный из мусорного ведра бутерброд и прихлёбывает его молоко.

– Мама проспала, – укоризненно сказал мальчик. Когда ему очень хотелось познакомиться, но было чуть-чуть неловко, Егор начинал говорить с человеком как со старым знакомым. – Завтрак мог быть просто чудесный, если бы мама проснулась вовремя. Если бы вы её разбудили...

Не оставалось и капли сомнений, что наглый рыжий обжора – это и есть домовой, на которого возлагались все надежды.

– И тогда кое-кто, – продолжил мальчик, входя в роль обвинителя, – мог бы сейчас гораздо вкуснее позавтракать. Да, да!

Рыжий хмыкнул и громко, с набитым ртом заявил:

– Вот дети, а! Стараешься для них, всю ночь глаз не смыкаешь, велосипеды роняешь, а самих и Царь-пушкой не разбудишь. Теперь так будет весь день гундеть. И ведь момент какой подобрал, прям будто взаправду меня видит!

– Вижу! – уверенно подтвердил Егор и показал на рыжего пальцем. – Ты сидишь на моём стуле, ешь бутерброд с паштетом, а сам наверняка ещё не умывался и зубы не чистил.

Домовой подавился и закашлялся.

– Вот те раз! – растерялся он и нырнул под стол. – Нет меня! Это тебе снится, мальчик. Ты ещё спишь!

Егор по-хозяйски доковылял до стола, приподнял скатерть и засмеялся, как обычно смеются дети, застигая кота в процессе самозабвенного вылизывания... миски со сметаной. Незнакомец этого не понял и продолжал играть в несознанку:

– Эй, малой, ты что, того? Зачем со мной разговариваешь? Я тебе не показывался! Не показывался же, да?! Ой!

Мальчик бесцеремонно ткнул человечка пальцем в щёку. Застыв от неожиданности, тот лишь проямлился:

– Ладно, твоя взяла, сдаюсь...

– Выходи давай! – радостно крикнул Егорушка. – Ты не представляешь, как мне одному скучно!

Домовой выбрался из-под скатерти, едва не уронив стол и всё, что на него поставила мама. Вид у рыжего чудака был, мягко говоря, свойский. Волосы растрёпанные, как после

вихря, льняная одёжка в пятнах, и палец торчит из дырки в носке. Поняв, что его разглядывают, мужичок прикрыл палец другою лапой и по-крестьянски вытер ладонь о рубаху.

– Давай знакомиться, что ли?

– Давай! – Мальчик пожал протянутую руку. – Меня зовут Егор.

– А меня Гаврюша. Ну, чего хохочешь-то?

– Имя смешное, вот и смеюсь.

– Вообще-то меня Гаврилой Кузьмичом зовут, и даже фамилия имеется, только я её забыл. А Гаврюшей для ласковости зовусь, чтобы вот таких, как ты, смешить.

– А знаешь, что скажет моя бабушка, когда придёт? – Егор посерьёзnel.

Домовой глянул в сторону стола и высказал предположение:

– Убираться заставит?

– Она скажет, что ты, Гаврюша, неряха, и мыться погонит.

– Вот ещё! На, смотри, как я могу! – И щелчком пальцев чудак вмиг обрядился в старинную, шитую золотом боярскую одежду. – Глянь, ни одна бабка не устоит!

– Пожалуй, это слишком. Надо выглядеть современно.

– А, что вы понимаете! – махнул он рукой и поменял костюм на кричащие джинсы поп-звезды, рубашку с вырезом до пупа и бейсболку в звёздах. – Вот, пожалуйста, современнее некуда. Устраивает?

– Ну, не знаю. Бабушка говорит, что по телевизору один разврат, а ты сейчас прям как из телевизора...

Домовой недовольно сел прямо на пол, и тут до него дошло:

– Фу-ты ну-ты! Вот заболтал, сорванец! Она ж не увидит ни шиша.

– Почему? – Егор обошёл вокруг нового знакомого. – Я же тебя вижу.

– Ты другое дело, видит только тот, кто в меня верит. – Гаврюша с отвращением стягивал пёстрые тряпки. – Вот ты веришь, что я есть?

– Конечно! – И в подтверждение сказанного мальчик ткнул домового пальцем в другую щеку. Тот уже вернулся в старую рубашку и вздохнул посвободней.

– Правильно, а бабушка ни в жисть не поверит, ибо я – порождение волшебства, которое у вас сказкой зовётся.

– Волшебства? – Егорушка задумался. – А бабуля в рекламу верит. Мама говорит ей, чтоб не верила, а она всё равно верит и всякие магниты лечебные по радио заказывает... И сказок много знает...

– Ну, ты, брат, сравнил меня и рекламу! Я, между прочим, в отличие от вашей рекламы, без малого триста лет по свету околачиваюсь, всех бабушек нынешних в пелёнках слюнявыми видел. Я не то что первый телевизор, первую лампочку лично включал, а ты мне говоришь...

– А пиратов видел?

Простой вопрос немного смутил хвастливое порождение волшебства. Оно почесалось и сообщило:

– Пиратов, пожалуй, не видал. На Руси как-то больше разбойники да взяточники приживаются. Но если ты хочешь...

Облик человечка сию секунду поменялся, и кухня исчезла, и воздух стал другой, и пол закачался. Егор и Гаврюша с героическими лицами гордо стояли на палубе грозного фрегата. Высоко на верхушке мачты колыхался «весёлый Роджер». Вокруг суетилась команда, кто-то предупреждал об опасности и показывал на линию горизонта.

Их преследовал корабль британской торговой компании, готовый вот-вот открыть пальбу из чёрных бортовых пушек. Герои обнажили шпаги, а когда началась стрельба, не испугались, бросившись к борту и подбадривая остальных. Англичане неумолимо нагоняли, ветер был на их стороне.

– Возьмём противника на abordаж и всыплем по первое число! – смело предложил Егор, в то время как вся команда в ужасе разбегалась. Некоторые прыгали за борт, хотя куда уплывешь в океане...

– А и впрямь, Егорка, покажем супостатам, на что способен русский пират! – проорал Гаврила Кузьмич и показал врагу длинный-предлинный язык. Мальчик сделал то же самое, но длина его языка не шла ни в какое сравнение с возможностями домового.

Британцы храбро пришвартовались к пиратской посудине, с гиканьем и выстрелами они перебегали, перепрыгивали и перескакивали на палубу. Пиратская команда трусливо подняла руки, сдаваясь на милость победителя. И только два отчаянных храбреца, одному из которых только-только исполнилось семь, а другому почти стукнуло триста, встретили военные силы Британии – спиной к спине, готовые сражаться до конца!

Они приняли неравный бой, но скоро поняли, что силы врага перевешивают, а собственные безвозвратно уходят.

– Забаррикадируемся в капитанской каюте! – Егорушка потянул домового за собой.

Друзья помчались, отбиваясь и отбрыкиваясь от настырных британцев. Дверь почему-то была очень похожа на входную дверь их квартиры. Каюта открылась, и на пороге появилась бабушка. Море пропало, вместо неба навис знакомый потолок. Исчез Гаврюша...

– Здравствуй, внучек! Чем занимаешься?

– Ой, привет, баб! У нас тут такое творится! Вся команда струсила и попряталась, только мы с Гаврюшей бились как настоящие герои!

– Что ты ел? – строго спросила Светлана Васильевна. – Чем кормила тебя моя дочь? Кашей, надеюсь?

Приезд бабушки Вал Валыч называл прокурорской проверкой. Егорушка не знал, что это такое, но чувствовал, как папа при этом робеет и сжимается.

Бабуля быстро повесила пальто, переобулась и уверенно взялась за своё хозяйское дело, больше не задавая вопросов. Вымыв руки, мамина мама унесла на кухню огромный шуршащий пакет, из которого стало появляться то, что Егор очень любил: стопка ещё горячих блинов, термос с шиповником, банка ежевичного варенья, два пластиковых контейнера с первым и вторым блюдами и здоровущий кусок пирога с мясом.

Мальчик внимательно наблюдал за процессом извлечения продуктов, вспомнив, что сегодня он так и не успел позавтракать. Да и когда? На них же напали англичане! Он угнезвился на стуле на коленках, опираясь о стол руками.

– Ну-ка, сядь нормально!

– Бабуля, покорми Гаврюшу тоже, пожалуйста! Он будил маму утром, но не добудился!

Бабушка разгладила пакет.

– Это что за Гаврюша такой маме спать не даёт? Я ничего не пропустила?

– Бабуля, ты столько всего пропустила! – Мальчик вцепился в пирог, прожевал большой кусок и продолжил: – Во-первых, он ужасно старый, зовут его Гаврила Кузьмич, но я должен называть его Гаврюшей, а то он обижается.

– Старый, говоришь? – Взгляд у бабули тоже сразу как-то постарел. – И давно живёт у вас этот... Кузьмич?

– Давно, только он раньше прятался, а сегодня слопал мой завтрак и попался!

– Завтрак твой слопал?! – Светлана Васильевна опять превратилась в само внимание. – А потом что?

– Показал мне свои наряды...

– Что?!!

– Пиратский ему в самый раз. – Егор отхлебнул отвара шиповника, налитый из термоса, и ободряюще погладил окосевшую бабулю по пухлой руке. – Расслабься, он добрый, говорит, что тебя ещё в пелёнках видел.

От таких откровений бабушка чуть со стула не упала.

– Да что ж это такое творится без моего ведома?! – не удержалась она, краснея от ярости. – А отец твой куда смотрит? Дал бы ему по морде разок, как мужик! Гаврила Кузьмич хренов!!! Да как таких земля носит, в платье он при ребёнке переодевается?!

– Баб, успокойся! Папа просто ещё ничего не знает.

Светлана Васильевна нервно пригладила свои негустые крашенные волосы. Руки её дрожали, а губы кривились в безмолвных проклятиях. Маленький Егор впервые видел столько противоречивых эмоций в одном взгляде...

– Папа не верит в Гаврюшу, хотя я всем говорил.

– Да этот твой папа-шляпа, – бабушка готова была заплакать, – сказала бы я ему... Ну ничего, я матери скажу... Где он?

– Папа?

– Да на что сдался мне твой папа?! Он что есть, что нет его. Кузьмич этот где?

– В квартире должен быть, но видят его только те, кто в него по-настоящему верит.

– Сектант, значит, – тихо сказала пожилая женщина и прижала внука к себе. – И давно они тебя голодом пытаются, кровиночка моя?

Егор слышал, как стучит её большое сердце.

– Бабуль, Гаврюша – это обычный домовой.

Глава третья, в которой Егор и Гаврюша беспокоятся о бабушке

За окном тянулась ночь, часы показывали двенадцать.

– Вы посмотрите, посмотрите! – Бабушка продемонстрировала экран тонометра сперва маме, затем папе. Все трое сидели в гостиной, двери с полупрозрачными стёклами были закрыты. – Сначала подскакивает выше некуда, теперь падает ниже низшего! Недолго мне осталось, ох недолго...

Александра Александровна заёрзала в кресле и нервно отвернулась.

– Мама! Я тебе сто раз уже предлагала вызвать «скорую»!

– Ах, оставь! – Светлана Васильевна подала запрещающий знак ладонью и откинулась на спинку захваченного ею дивана. – Всем известно, из больницы одна дорога – на кладбище.

Вал Валыч нервно растирал колени, в нём боролось три сильных желания:

первое – таки вызвать санитаров, чтобы увезли больную в указанном ею направлении;

второе – превратиться в торшер или плинтус и сыграть скромную роль декорации;

третье – сбежать в спальню, накрыться одеялом и спать до полного убийства тёщи на её законную жилплощадь.

Но каждый раз, решаясь на побег, папа слышал железный приказ: «Сиди!» Жена и тёща отдавали его по очереди, неизменно ласковым тоном, но суть от этого не менялась.

Итак, беседа с Егором ужасно встревожила бабушку – вызвала приступ гипертонии, сбивала сердце с привычного ритма и лишила несчастную сна. Едва чета Красивых вернулась с работы, как героическая пенсионерка сразу увела их в гостиную, прикрыла двери и потребовала от каждого подробного отчёта о странностях детских фантазий и посторонних мужчинах в доме.

Первым не выдержал Вал Валыч, он рвал и метал, и никакие двери не могли загасить его зычный гнев, рвущийся на волю. Ишь чего захотела! Отчитывайся тут перед ней! Мало ли чего Егорка напридумывал? У мальчика детство вовсю играет, он может не только Гаврюшу, но и чёрта лысого придумать. Что же теперь, в каждой его фантазии реальных людей видеть?

Нормальный мальчик, активный, умный, с развитым воображением. Одно море в ванной чего стоит! Слишком развитым? Чересчур? Патология? Кто бы говорил о патологии! Вот досужая старух... бабушка! Всё вам надо, да всё вам не так и не эдак! Что?! Это я не мужик?! И двое детей не аргумент?! Ну, знаете ли, если мы перешли на личности, то уж вы вообще...

Когда инициатива была перехвачена мамой, бабушка уже потеряла дар речи, рухнула на подушки и стонала примерно час. За это время мама с папой поужинали и получили от сына более-менее внятные объяснения странного поведения Светланы Васильевны. Они решили пойти извиниться и превратить скандал в шутку.

Но бабушка и все её верные болезни не шутили. Вопреки здравому смыслу больная категорически отказывалась как от госпитализации, так и от предложения сменить тему.

– Вот скажите мне, отец с матерью, где сейчас Глаша в такое-то позднее время? – спрашивала она, сдвигая со лба компресс, который папа мысленно заталкивал ей в рот.

– У подружки ночует, – хмуро отвечал Вал Валыч, изучая взглядом сувенирную шашку, подаренную друзьями и висящую на стене.

Бабушка ликовала без слов, молча поедая маму глазами.

– Видела, чем вы их кормите, – «прокуратура» понеслась по новой, – одни перекусы, банки да коробки, прости господи! Это ж дети, им горячего надо, домашнего... Когда я тебя

растила, Александра, я тесто сама ставила, сама пельмени лепила, сама супчик с домашней лапшой придумывала. Неужели у всех теперь как у вас? Я вот тут смотрела одну передачу...

За дверью прятались и подслушивали Егор с Гаврюшей, оба попеременно зевали. Друзья разлеглись на полу и битый час пытались придумать выход из ситуации. Мальчик хмуро потёр засыпающие глаза.

– Гаврюш, что нам сделать? Они никогда не ссорились, а тут вдруг... Я боюсь за бабушку, старенькая она...

– А я больше за папу, – буркнул домовой и задумчиво почесал бородёнку, – ой, не сдержится, ой, посадят ведь, годков на пятнадцать...

– Не понимаю.

Гаврила вздохнул и приподнялся на локте.

– Вырастешь, обженишься, поймёшь. – Тут он резко вскочил и засиял словно звёздочка. – Значит, так... я за ключами, а ты одевайся и бегом к чердаку.

Егор не успел спросить, что за ключ и почему надо бежать к чердаку, как мужичок сгинул. Вдруг сквозь стекло папин силуэт поднялся и вырос.

– А ты что здесь делаешь?! Вы только посмотрите! – воскликнул Вал Валыч нарочито громко. – Ты давно должен быть в постели! Давай-ка я отведу тебя в спальню.

– Может, лучше я?! – с мольбой в голосе предложила мама.

Егор понял, что ему решать, кто будет спасён. Несчастный, усталый Вал Валыч сейчас был копия бездомного пса, которого мальчик время от времени подкармливал на школьном дворе.

– Не беспокойся, мам, – промямлил мальчик, – папа отведёт. Выздоровливай, бабуль!

Отец сопровождал своего спасителя до детской, присел на корточки и с видом заговорщика прошептал:

– Спасибо за понимание, сынок, с меня причитается. Ложись-ка ты спать, хорошо? И я лягу.

Егор молча кивнул и похлопал старшего по плечу. Каждый ушёл к себе.

Первым, что юный полуночник увидел, включив лампочку, было его полное зимнее снаряжение, аккуратно разложенное на кровати: сапожки, штанишки, свитер, пуховик, шарф, варежки и шапка. Вспомнив слова Гаврюши, мальчик понял, что их ждёт приключение. Храброе, чуткое сердце Егора велело не медлить. Он чувствовал себя матёрым десантником перед вылетом на задание. Экипировался он, как и положено десанникам, «пока спичка горит».

Лестница на чердак была продолжением общей лестницы подъезда. Полностью одетый мальчик бесшумно просочился на площадку. В эти мгновения мама включила телевизор, чтобы развлечь Светлану Васильевну, а папа уже сладко храпел. Тихого щелчка двери никто не услышал.

– Эй, Егорка! – позвал шёпотом знакомый голос. – Шевели ногами, скоро наш рейс.

Мальчик и домовой, на груди которого полумесяцем развернулась связка разнокалиберных ключей, встретились у входа на чердак. Старые петли скрипнули, и в нос ударила смесь запахов морозного неба, перьев и чего-то ещё.

Гаврюша закричал, сдвинул что-то в темноте и произнёс чудные слова, от которых хотелось чихать. Сделалось вдруг светло и уютно, как будто сотни маленьких мерцающих лампочек вспыхнули и расплылись по чердаку, словно золотые рыбки.

– Ух ты! Светлячки! – Мальчик так и замер с открытым ртом. – А разве букашки не улетают на зиму в тёплые края?

– Мои букашки не улетают, – гордо пояснил домовой, сунул руку за пазуху и вынул золотые механические часы на цепочке. – Опаздываем. Поди-ка сюда, Валентинов сын.

У Егорки глаза разбегались от собранных здесь дивных вещей. Чего он только ни увидел: и чучело взрослого медведя с балалайкой наперевес, и коллекцию подков, подвешенных на гвоздях, и тяжёлый сундук для пиратских сокровищ, и старинные часы с пыльным стеклом, открывающимся для перевода стрелок...

От предчувствия большого приключения сосало под ложечкой. Мальчик забыл про сон и позднее время. Пачкая и без того грязные штаны, домовый плюхнулся на колени и принялся что-то разглядывать на полу у стены.

– Готов отправляться в сказку? – Рыжебородый приятель обернулся к мальчику. – Тады скорей за мной!

Он уменьшился, словно сдувшийся шарик, и пропал из виду.

– Гаврюша! – Егорка едва не упал, подбегая к месту, где только что стоял его проводник. – Ты что сделал?

Пропустить поездку в сказку гораздо хуже, чем проспять Новый год, а ещё обиднее – потерять волшебного друга. Раздавить его сапожком, например. Сделав осторожный шаг назад, мальчуган присмотрелся и, к удивлению своему, нашёл в стене игрушечную дверь размером с мультяшную мышиную норку. Но главное, что подле норы стоял живой и невредимый крошка-домовой.

– Какой ты мелкий! – засмеялся Егор. – Как козявка-а...

Его почему-то страшно развеселило, что Гаврюша по-прежнему рядом и так уморительно машет ручками. Егорка прислушался.

– ...пальцем! Ткни пальцем в дверь, слышишь? – пропищал лилипутик.

Мальчик послушно дотронулся, и чудо повторилось – он уменьшился вместе с одеждой.

– Вот и славно! – сказал Гаврюша нормальным голосом и выбрал ключ на связке. – Знаешь секрет?

– Не знаю.

– А я те скажу! Ты первый человек, которому дозволено будет войти в тайную комнату.

– Тай-ну-ю ком-на-ту, – повторил восхищённый Егор больше глазами, чем губами.

– И вход только один, этот.

Ключ повернулся в замке, дверь щёлкнула и распахнулась. Друзья взялись за руки и шагнули внутрь, в волшебный полумрак. Трудно было назвать комнатой место, в котором они оказались. Что-то неуловимое в обстановке ещё напоминало о старом доме и чердаке. Сохранился морозный воздух, перемешанный с запахом пыли и перьев, где-то далеко шумели московские улицы, но всё неумолимо таяло, как тают песочные фигурки от прикосновения морской волны. Новые, доселе невиданные звуки и запахи приходили им на смену. Егор крепче сжал руку домового.

– В сказке мы будем такие же крохотные?

– Не бойсь, в тех краях все такие, – успокоил Гаврюша и показал куда-то вверх. – А вот он и в сказке будет такой же огромный.

Сверху неровными скачками опустилась корзина, способная вместить четырёх таких лилипутов, а следом голубь размером со спортивный вертолёт, запряжённый в неё вместо воздушного шара.

– По тутошним меркам обычная птица, а в сказке он, как видишь, со Змея Горыныча, – гордо пояснил Гаврюша.

Голубь, совершив посадку, склонил голову, выжидательно посматривая на мужичка.

– Лет сто назад на воробьях летали, верхом, только представь! – с охотой рассказывал тот, обходя вокруг птицы. – Никакого удовольствия, скажу я тебе, Валентинович. Пугливые, беспокойные, садятся через каждые десять шагов, дисциплины ноль. Енти совсем

другое дело. Расписания придерживаются, на свист идут и любому нахальному Карлсону, если надо, наваяют. Уж я-то видел, врать не стану.

– Ух ты! – Семилетний московский школьник стоял задрав голову и внимал каждому слову. – Можно его погладить?

– Забудь! Склюёт и не заметит, что ты на пятёрки учишься. Ему до твоей ласки дела нет, так что лезь в корзину и сиди тихо. Я за тебя теперь целиком ответственный.

По специальной верёвочной лесенке они забрались в корзину.

– А ну, сизый мерин, неси-ка нас в тридесятое царство, в Лысый лес, да к самому Баюн-центру!!! – скомандовал Гаврюша, подкрепляя свои слова звенящим свистом пьяного кучера.

Голубь кивнул, расправил крылья, и перелёт начался.

– Расскажи мне про этот центр, я никогда не слышал о нём ни в одной сказке, – попросил Егорка, приподнимаясь на цыпочках, чтобы посмотреть на плывущие мимо облака.

– А чего ж не рассказать? Баюн-центр основали лешие, – с готовностью начал объяснять домовой, – во глубине лысого, как ваш дворник, леса...

– А не страшно туда лететь, раз он такой лысый?

– Не, я там всех знаю. Слушай дальше. Известно ли тебе, любитель сказок, в чём польза от кошек породы баюнов?

– В шерсти?

– Энто папа у тебя в шерсти! А польза в том, что только эти коты умеют сладкие речи вести, песни петь, языками владеют, хорошим манерам обучены. От хандры исцеляют, нервы в порядок приводят, спину массируют и квитанции сами заполнять могут – за свет, за газ, в общем, ты меня понял, да?

– Здорово! Вот бабуле подарить бы такого. А лешие тут при чём?

– Ещё как при чём! Хитёр да жаден народец лешачий, своего не упустит. Как пронюхали они, пройдохи, что весьма охоч сказочный народ до полезных кошек, так позвали в свой лес на работу заморских гномов.

– Ух ты, у вас там и гномы есть! А мне Глаша сказала, что гномов-девочек не бывает. Только как же они тогда самопроизводятся, вот?

– Не знаю, – буркнул Гаврюша. Ему не очень нравилось, что мальчонка встречается со своими бесконечными вопросами не по существу. – Я не приглядывался. Дальше слушай. В общем, посулили гномам постоянную регистрацию, а за то обязали большой посёлок строить.

– У нас так тоже делают, папа рассказывал...

– Да слушай уже! Назвали новострой Баюн-центром, чтобы звучало модно и привлекательно. А гномы хоть работу выполнили, да только никто им и копейки не уплатил. Посидели, погоревали и решили бастовать работяги, а тут, как нарочно, стрельцы с проверкой – заарестовали всю артель и на родину отправили.

– Куда? – опять влез Егорка.

– Говорят, в Ирландию.

– Бедные гномики!

– Да уж, небогатые, – скупно покивал Гаврюша. – А лешие, что бы ты думал? Руками древесными потёрли и новый клич бросили. Со всех краёв и концов созвали к Баюн-центру учителей от разных искусств и наук, чтобы жить там у леших на содержании и талантам своим кошек обучать. А лешие меж тем стали ходить по деревьям да талантливых котов и кошек себе разыскивать.

– Глаша говорит, что она тоже талантливая. Прямо раз десять на дню сама себе это перед зеркалом повторяет... – задумчиво вставил мальчишка. – Ой, продолжай, пожалуйста, я очень-очень внимательно слушаю!

– Стоит лешему прознать, что где-то на хуторе киска забавно мяучит или котик младенцев пеленает, он тут как тут! Дескать, вот тебе, кошечка, сметанка да маслице сливочное, а хозяину говорит, что, мол, животную вашу ждёт не дождётся Киевский театр и быть ей там великой артисткой али артистом. Подождите, говорит, пару месяцев, и станут денежки с неба сыпаться. А сейчас могу только один золотой дать, и тот медью...

– И что, продают им кошек?

– А то! Такие деньжищи на дороге не валяются. К тому же лешие своё дело знают, монеты хоть и фальшивые дают, зато сделаны на совесть, от настоящих сразу не отличишь, любо-дорого посмотреть.

– А потом? – явно заинтересовался масштабами аферы московский мальчик.

– А потом в центр с котом! Привозят, сдают на месяц ускоренной подготовки – и на продажу за сто золотых! Дело выгодное.

– Но где же мы деньги возьмём, Гаврюша?

– Не беспокойся, сторгуемся, – уклончиво ответил беззаботный рассказчик и подёргал за вожжи, давая птице сигнал на посадку. – Ты лучше голову береги. Всем хорош голубь супротив воробья, да только с корзиной управиться не может.

– А? – только и успел спросить мальчик, как почувствовал, что рыжий дружок просто выталкивает его наружу. – Мама? – слишком поздно вспомнил Егор, пробкой покидая воздушное судно.

– Кубарем, кубарем катись! – инструктировал Гаврюша, балансируя на краю борта и выбирая подходящий момент для собственного прыжка.

Корзину протащило совсем близко к поверхности земли, и теперь она медленно пошла наверх. Домовой прыгнул и покатился, пряча голову между коленок. Голубь уронил пустую корзину, сел сам и принялся клевать сухие шишки, как будто летел только за этим.

Домовой помог мальчику встать и отряхнуться.

– Живой? Целый?

– Вот было круто! По-десантски!

– Ну и хорошо, на обратном пути повторим, а теперь пошли. В центре, Егорушка, мы твоей бабке такого баюна подберём, она с ним не то что про аптеку, про все диагнозы свои забудет! Вот те... Эх, кабы я был православный, я б даже перекрестился!

– Главное, чтоб она от банковской карточки код помнила, – деловито заметил Егор. – Там у бабули пенсия.

Когда проходили мимо голубя, Гаврюша крикнул на птицу, как обычно кричат, прогоняя корову. Та поняла, что свободна, и отправилась по своим делам.

– Кажный час тут пролетают, как по расписанию, – уловив тревогу во взгляде Егорки, успокоил рыжий домовой. – Не бойсь, у нас хоть и сказка, но мы тоже на месте не стоим, развиваемся.

Далеко-далеко, докуда хватало глаз, раскинулся хвойный лес. Покрытые редким снегом ёлки росли вкривь и вкось, часто образуя островки-проплешины, – то был Лысый лес, а посреди всей этой красоты стоял, как Москва-Сити, сам Баюн-центр. Было в нём что-то от фермы, деревеньки, большого терема и маленькой крепости одновременно. Высокий частокол защищал территорию от лесных напастей. Перед ограждением, как и полагается, проходил глубокий ров с мутной водой. Нынче вся вода замёрзла, в свежей проруби пытался утонуть чей-то дырявый валенок.

– Смотри, не вздумай на лёд соваться, – строго предупредил Гаврюша, когда они топали по мостику.

– Почему?

– По кочану! Уж поверь на слово, сделай такую милость.

У ворот дежурила длинноносая ведьма в тулупе. Она выглядела так, словно родилась до динозавров, и носила круглые очки, покрывшиеся морозными узорами, так что входящих проверяла исключительно на ощупь.

– Куды прётесь? Кто такие? Почему без документов? – уныло прохрипела она, преградив дорогу помелом.

– Привет, Бостриха! – Гаврюша вежливо похлопал бабку по пыльному горбу. – За котиком с Егоркой пришли.

– А-а... – узнала она, – Гаврила Кузьмич! Проходи. С Егоркой, говоришь...

Старуха потянулась к мальчику, но тот успел увернуться и спрятаться за своим провожатым.

– Живенький, вкусенький. – В голосе ведьмы пробудился аппетит. – Эх, кабы зубы не выпали, Гаврила, не упустила б я его...

– Эх, кабы я был старше лет эдак на тыщу-другую, да рази ж я тебя пропустил, Бостриха?! – флиртуя, подыграл домовый.

Морщинистая, как курага, бледно-зелёная физиономия ведьмы порозовела. Старуха смущённо прикрыла кокетливую улыбку платочком, а гостей уж и след простыл.

За воротами домовый устроил Егорке настоящую познавательную экскурсию. Начали с исторического места – вымощенной камнем площади с чугунным памятником первому баюну. Сидел он, как полагается, на высоком столбе, чёрный, лохматый и грозный. У подножия столба лежали железный колпак и железные рукавицы, которыми Иван-царевич изловил и поборол волшебную зверюгу. Как известно, пойманного котяру отвезли во дворец, где он сделался добрым и покладистым. Ну, по крайней мере, так гласит сказка...

Мальчик, всё ещё находясь под пробивающим дрожью обаянием Бострихи, решил обойти памятник по кругу, как вдруг появилась новая нечисть. Мерзкий горбоносый старикашка на куриных ногах нарисовался со спины. Голос у него был как у алкаша со стажем, хриплый, битый жизнью и дребезжащий, как стакан в купе...

– Ну, чего стоим, глаза мозолим? Котов не видали али металлом ворованным промышленяете? Вы мне тут не топчите, я по два раза чистить не собираюсь! – Горбоносый выставил вперёд широкую лопату для уборки снега, словно раздумывая применить орудие не по назначению. То есть просто дать по башке.

В следующий миг Егор резко осознал, как важно ни на шаг не отходить от Гаврюши, потому как при виде домового воинственный старикашка затрясся и закудаhtал от радости:

– Гаврила Кузьмич, братец, ой, не признал, ой, прости петуха глупого!!!

Деревянная лопата отлетела в сторону, чтобы не мешать дружеским объятиям.

– А я думаю, кто лается? Так Петрович и лается! – обрадовался домовый и, когда троекратные лобызания окончились, представил своего спутника: – Знакомьтесь... Это Петрович! А энто мальчонка мой подшефный – Егор Красивый. Не бойсь, Егорка, не съест тебя дядька, потому как он брат двоюродный мне и зовётся дворовым. Ну что, Петрович, как тут обстановка-то?

– Да ничего, в целом ежели... Я-то за улицами приглядываю, порядок поддерживаю. Платят мало. Кабы не крал по хозяйству, враз ушёл бы с такой работы неблагодарственной.

– И много тут народцу сказочного тусует? А то уж Егор Валентинович мой больно хочет на всех поглазеть. – Гаврюша весело подмигнул первокласснику, который не был до конца уверен в озвученном желании. В смысле совсем не уверен. Или даже наоборот, уверен в прямо противоположном!

– Наших здесь полно! – с готовностью ответил дворовой, шаркая куриной ножкой. – Ведьмы в охране, кикиморы на кухне, водяной вне штата. В речке сидит, за прошлые грехи мёрзнет, зарплаты без малого целый год не получал, говорят, на нервной почве валенки

у прохожих отымают. Ну а коты, понятное дело, интеллигенция! Дармоеды! Им, видите ли, тепличные условия нужны, им же мурлыканью обучаться надо! Тьфу, прости мя грешного...

– А чему их ещё учат? – не выдержал любознательный мальчик.

– Грамотейству и знахарству, вроде так, я не особо разбираюсь. Вон в том доме прохвессора медицинские живут. Все стены в дипломах, от потолка до пола, плюнуть некуда, – разгорячился Петрович, нагло отлынивая от прямых обязанностей. – Учат кошек больные места на людях находить, хворь снимать да хандру прогонять.

– За что им почёт и уважение, – напомнил домовый.

– Ой-ой-ой! Да вот, скажу я вам, ежели меня колбасой докторской кормить, молоком поить да на хозяйской постели спать укладывать, так я, может, тоже от вшивости лечить могу! Да тока меня чёй-то так не уважают?!

– Ты от разговора не отходи, больно кому надо харю твою горбоносую себе на больное место класть. И чего энто там за углом воют жалобно, али помер кто?

– Не-э, вон в том срубе артисты гужбанят с оперного театра, – ни капли не обидевшись на друга, продолжил дворовой Петрович. – Три горластые бабы и с ними два толстых тенора из самой Италии. Значится, колыбельные с котами разучивают, романсы печальные поют до посинения...

– Видать, чтоб хозяйкам мыльные оперы в лицах пересказывать, – шепнул Егору на ухо рыжий заводила. – Вдруг кто какую серию посмотреть не успел, а тут баюн тебе все и разъяснит, да с мурлыканьем, проникновенно, лучше, чем в любом телевизоре!

– И энто ещё не всё! Есть у нас, парни, преподаватель, вот в той хате квартирует. Сам-то зовётся либералист, говорят, специально в самой Великой Британии обучен про мировую политику языком чесать. Гвоздя не вобьёт, шнурков не завяжет, толку от него в хозяйстве ноль, но уж коли загнёт про модернизацию основ производства, так не выгнешь! Его не то что я, свои же мурзики понять не могут. А ить на бюджете сидит, гад...

– Правду говорят, Петрович, что лешие, как и прежде, на всём экономят? – осторожно переводя тему, спросил Гаврюша.

Дворовой кивнул с горьким вздохом.

– Экономят – не то слово. Каждую копейку зажиливают! Дело-то нечистое, сам понимаешь... Третий месяц зарплаты не вижу, и сами баюны жалуются, что-де недокармливают, недочёсывают, лоток не меняют. И вчерась прознал я, что вместо десяти лекций по массажёрному делу им только две прочитали. А массажёрное дело для кота самое важное, поважнее всяких там болтологий с песнопениями.

– Зато на ярмарке небось лешие лупят за котиков, как за яблоки молодильные?

– Яблочки? Бери выше! Дык оно мало того, что дорого, ты бы видел, как умники полосатые сами за себя торгуются. Им бы молчать да пузо греть, а они до последнего себе цену набивают. И лешие вконец обнаглели – ни тебе квитанций, ни паспорта на животное, справки ветеринарной, ни чека кассового. Поди докажи потом, что котик не с помойки?!

Петрович мог бы продолжать до бесконечности, закис он без общества, но мороз делал своё дело, и собеседники активно пританцовывали. Егорка подёргал домового за рукав и честно признался, что устал, замёрз и не отказался бы от горячего чая с вареньем.

– Ну, спасибо тебе, брат-дворовой! – торопливо поблагодарил Гаврюша, обнимая родственничка. – Рад был повстречать! Береги себя! Шею в шарф кутай!

– Да ты захаживай, ежели что, обращайся! Лопату не подашь? Ноги к мостовой при-мёрзли...

Подав лопату и простившись, Гаврюша подхватил мальчишку за руку. Они почти бегом пробежали через площадь, лавируя между какими-то ведьмами, колдунами, волшебными животными и прочей шумной нечистью, а потом резко свернули в тёмный переулок.

– Пора, малый, кота добывать!

– Пойдём на рынок и купим?

– Пусть лешие сами на свой рынок ходят. – Глазки у Гаврюши хитро сверкнули. – Мы с тобой прямиком в другое место пойдём. В контрабандное! Это здесь, неподалёку...

Егор Красивый ничего не понял, но был рад тому, что буквально через минуту его втокнули в тёплую прихожую неизвестного домика, где густо пахло блинами, крепко заваренным чаем и... кошками.

– Извольте-с пароль назвать, – вежливо кланяясь, обратился к ним высокий котяра с окладистой шерстью.

– Маруся Климова, – не думая, ответил Гаврюша.

– Добро пожаловать! – Пропустив пароль мимо ушей, кот поклонился. – Вы, наверное, голодны-с с дороги? Пожалуйста к столу-с, у нас блинчики с сёмгой, омлет с мышами-с, подогретое молоко с сырными шариками, бастурма-с!

– Сёмга сырая? – уточнил домовой, с достоинством скидывая тулупчик хвостатому «швейцару».

Егорка смотрел на это молча, у него кружилась голова, и непонятно отчего больше – то ли от голода, то ли с морозу, то ли от всего происходящего волшебства сразу.

– Балыком подаём-с!

– Тоже ничего... Давайте-ка нам с Егоркой блинов, да икры, да мёда и чая поболее, да проведите к Котофею Ивановичу, разговор к нему есть приватный.

– Как доложить о вас прикажете-с, господа? – Любезный кот помогал Егорке раздеться.

– Доложите, что-де пожаловали Гаврила Кузьмич и один красивый молодой человек. – Гаврюша подмигнул напарнику.

– Хорошо, ожидайте-с вон за тем столиком. Для вас готовят-с. – Кот снова поклонился, провёл их в одну из комнат, где был накрыт небольшой стол, усадил на гнутые венские стулья и бесшумно исчез.

– Эх, люблю же я здесь брюхо набить! – Через пару минут домовой, сияя от счастья, принял из лап пышной умильной кошки поднос с блинами. Минутой позже появился самовар, вишнёвое, малиновое, облепиховое варенье, колотый сахар, сушки и мёд. – Налетай, Егорка! Такую вкуснотищу ваша Светлана Васильевна готовить не умеет.

Блины и вправду оказались замечательные, а чай был душистый и сладкий.

– А Котофей Иванович, он кто? – с набитым ртом поинтересовался мальчик.

– Ученик мой бывший... – Рыжий хитрец многозначительно улыбнулся. – Я в этой конторе, представь себе, курс домоводства вёл, а потом жадюги-лешие отказались от многих предметов, включая и мой.

– Обидно.

– А-а, дело прошлое. Нынче Котофей Иванович – важная шишка, первый борец за права баюнов. Ить он, Егорка, лучший из всех известных мне представителей этой славной породы. Единственный баюн не для продажи! Котофей тут каждую мурку знает как свои четыре когтя, к тому же мы друзья.

– Ну ты, Гаврюша, наверное, со всеми здесь знаком?! Знаешь, что сказала бы про тебя бабушка?

Домовой пожал плечами:

– Ну и что?

– Сказала б, что в депутаты тебе надо, по телевизору выступать, потому что депутат всё про всех знает и может каждому хорошую жизнь обещать!

– Обещать – дело нехитрое, – начал было Гаврюша, но его перебили настоящим оперным басом:

– Гаврила Кузьмич! Свет в оконце! Дайте вас обнять! – Большущий дымчатый котяра буквально набросился на Гаврюшу. – Сколько сметаны утекло! Сколько мышей проскочило!

– Котофейка! Как я рад тебе, увалень ты хвостатый! – Домовой весело рассмеялся и сдился в пушистые объятия. – Знакомься, это Егорка, мой подопечный из сказочного мира.

Котофей важно поклонился.

– А можно вас за усы поддержать? – не утерпел мальчишка.

Кот с домовым так и прыснули со смеху. Дымчатый здоровяк потянулся через стол к любопытному путешественнику, почти нос к носу, прикрыл глаза и замурчал.

– Ух ты, тигрище! – восхитился мальчик.

Усы у котика и впрямь были знатные, не усы, а кусты ракиковые. Егорка подумал и за усы хвататься не стал. А осторожно погладил кота по лбу. Тот удовлетворённо хмыкнул:

– Доволен, малец? А теперича, гости дорогие, поведайте, какими судьбами в наши пенаты?

Гости дорогие себя дважды просить не заставили, поведали Котофею про бабушку Светлану Васильевну, про маму с папой, про их истрёпанные нервы и сплошные проблемы.

– Случай классический, господа, – между делом умяв пяток блинчиков, протянул местный авторитет. – От лекарств толку не будет, тут вы правы. Старушке нужен толковый кот. Кстати, милое дитя, как в семье относятся к нашему брату?

– Мне не разрешают заводить... – уныло признался мальчик.

– Пусть только попробуют не разрешить! – грозно вступился Гаврюша. – Это ж не просто кот, а кот-баюн! Слово чести, Котофей, в обиду его не дам!

– Спасибо, Гаврила Кузьмич, твоя клятва дорогого стоит, – кивнул главный баюн. – А теперь обсудим детали. Бабушка религиозна?

– Коммунистка, – уверенно ответил Егорка, не совсем понимая значение этого слова.

– Ого! Тогда, пожалуй, могу рекомендовать одного кота. Мурка, зови сюда Маркса! – Котофей отдал приказ и вновь повернулся к гостям с заговорщицким видом. – Уходить будете дворами, там, где нет наблюдения, Маркс дорогу знает. Если поймают в Баюн-центре, скажете, что шли ко мне и заблудились. Если поймают за оградой... нет, пусть лучше вас нигде не сцапают!

Буквально через минуту в комнатку просочился вежливый чёрный кот с белыми бровками и «носочками» на лапах.

– Чем могу помочь, товайисци? – изрядно картавя, мяукнул он.

– Кстати, это и есть Маркс, – обернувшись на голос, сказал гостям Котофей. – Поди сюда, мой хороший. Знакомься – твои новые хозяева.

Кот, однако, подходить не спешил. Он сел там, где стоял, и принялся напряжённо вылизывать грудку, показывая, какой он чистюля и вообще не хухры-мухры. Затем гордо вскинул чёрный подбородок и пробурчал, плохо проговаривая «р»:

– Наши не пйодаются!

– Видали? – с довольным видом произнёс Котофей Иваныч и слегка прикрикнул, лукаво глядя в сторону: – Да успокойся ты, я тебя из идейных соображений отдаю. Даром!

– Политическая ссылка? – Маркс заинтересованно повернул левое ухо.

– Лучше! Бессрочная командировка, почти как в Швейцарию... Гаврила Кузьмич, я прав?

Домовой поднялся и подошёл к упрямому котику, но отнюдь не для того, чтобы ухватить за шкурку и потащить силой. Гаврюша протянул руку! Революционный кот на минуту замер, потом осторожно подал лапу для приветственного пожатия. Домовой незаметно подмигнул Егорке и обратился к усатому со всей торжественностью, на которую только был способен:

– Товарищ Маркс, самая передовая общественность в лице этого храброго мальчика просит вас оказать интернациональную помощь опытной пионерке, комсомолке, члену пар-

тии, ветерану труда, труженице тыла и просто хорошей бабушке Светлане Васильевне! Она живёт в сказочном мире, в доме, наполненном неистребимыми врагами родины – мышами. У бабушки горячее сердце, больные нервы и вечное желание накормить голодных. Сколько вам нужно времени, чтобы предупредить местную партийную ячейку?

Когда Гаврюша закончил, морда Маркса обалдело вытянулась, хвост нетерпеливо подёргивался, а в честных глазах стояли слёзы.

– Не надо ячейку, я здесь один... такой, – тихо вымолвил кот-коммунист. – Так бы сйазу и сказали, что йади нашего общего дела. Я готов!

– Вот и славно! – подытожил Котофей, успевший слопать ещё тройку блинов. – А теперь давайте я вас разок обниму, на прощанье... И дуйте отседова!

– Гаврюша, разве мы не должны за него заплатить? – украдкой спросил Егор.

– Не вздумай говорить о деньгах, Котофей обидится, – шепнул в ответ домовой.

Они самостоятельно сопроводились к выходу, а четвероногий ученик Гаврюши лично помог им одеться. Но честный Егорка всё-таки порылся в карманах, вытащил из штанов потрёпанную конфетку и протянул дымчатому коту.

– Спасибо большое! Моя мама говорит, что воспитанный человек должен быть благодарен тем, кто ему помогает. В следующий раз я привезу вам бабушкину валерьянку. Говорят, коты её любят...

– Как это мило! Твоя правда, любим, – чуть не прослезился Котофей, незаметно передавая конфету кошке-официантке. – Счастливого пути, парни!

Картаво мурлыкая под розовый нос «С Интейнационалом восстанет йод людской...» и высоко задирая хвост, Маркс повёл друзей сложно сплетённым клубком переулков, улочек, переходов и задних дворов. Где-то вдалеке ухали филины – ночной патруль на довольствии у леших. Всегда кто-то должен следить за порядком...

– Гаврюша, а конфета за кота-баюна – это не слишком мало? – не удержавшись, шёпотом спросил мальчик. – Если я расскажу маме, она может нас обманщиками назвать...

– А без обмана да хитрости и русской сказки нет, – уверенно ответил домовой. – Иван-царевич, к примеру, тот ещё воришка был. Яблоки молодильные спёр, Елену Прекрасную умыкнул, жеребёнка у Яги свистнул, кто он после этого?

– Пират?

– Русский народный герой!

Совсем близко в чёрном небе угукнул пролетающий дозором филин. Все трое замерли. Кажется, на этот раз пронесло, но дальше, боясь разоблачения, двигались молча.

В любом, даже самом серьёзном заборе найдётся фальшивая доска, бревно или камень, прикрывающие вход (или выход, с какой стороны поглядеть). В частоколе, охраняющем Баюн-центр, было то же самое. Маркс нащупал нужный столбик, надавил плечом как следует, открылся проход в пять брёвен, и вот вам пожалуйста – свобода!

Правда, оставалось последнее препятствие – покрытый льдом ров. Никакого мостика поблизости не было, и опасность заключалась в том, чтобы перейти замёрзшую реку с берега на берег. Егорка вспомнил, как по дороге сюда домовой предупредил его ни в коем случае не выходить на лёд. И вот вам нате! Чего сторонились, на то и напоролись.

– А что там? – решился спросить мальчик. – К-кто там живёт, под водой?

– Знамо кто, водяной! – нервно ответил Гаврюша. – Я разве не говорил? Да он зимой сонный и соображает плохо, не бойся. Пройдём по-тихому, кота первым запустим, потом ты, а я последним пойду.

– Почему последним? – спросил Егор, пытаясь оценить степень риска.

– Так ведь я самый тяжёлый, – объяснил бородатый приятель – Вдруг меня лёд не выдержит? Представь, что будет, если я первым пойду и провалюсь? Тогда все пропадём!

– Гаврюша... – Мальчик обнял домового. – Знай, что бы ни случилось, ты настоящий друг!

– А то! Ну что, Маркс, слышал? Тогда вперёд!

Впервые за весь их путь кот перестал мурлыкать (вместо «мур-мур-мур» у него вышло «муй-муй-муй») и мягко, осторожно ступил на гладкую, холодную поверхность. Уши его превратились в локаторы, улавливая малейший звук, самый тихий шорох и скрип. До середины реки он крался, а затем припустил что есть мочи, и вот уже сидит баюн на другом берегу и гордо вылизывает... заднюю лапу.

– Я знаю, ты храбрый и смелый! – подбодрил первоклассника домовой. – Иди и ничего не бойся. Главное, не останавливайся. Встанешь – пропадёшь.

Егор почти не дышал, так ему было страшно. Сделал один шаг, второй, третий, четвёртый... Вот и середина, и сердце так стучит, словно на волю просится. А вдруг водяной их услышал? Вдруг нарочно ждёт самого большого, толстого и вкусного из них? Нет, уж лучше ни о чём таком не думать. Егорка зажмурился и тоже припустил со всех сил к противоположному берегу.

Тишина. Лёд не тронулся. Никто из проруби не выскочил, за ногу не ухватил, в речку не уволок.

Мальчик погладил довольного Маркса и помахал Гаврюше рукой. Домовой храбро ступил ногой на лёд, и... в морозном воздухе раздалось слабое потрескивание. О нет!

Лёд ломался под тяжёлым Гаврюшей, как свежая вафля, с каждым новым шагом громче и веселее. Рыжий домовой сплюнул и побежал изо всех сил. Его маленькие ножки мелькали так быстро, что казалось, будто бы он катится, а за его спиной росла полоса развороченного льда...

– Держись! – крикнул Егор, храбро вставая на самый край берега и протягивая другу руку.

Чудом ему удалось дотянуться до Гаврюши. Кот пришёл на помощь, и общими усилиями они выдернули домового на берег, когда тот уже был готов соскользнуть в воду.

– Ай, спасибо! От всего Берегового Братства, – с чувством пропел рыжий «флибустьер» и добавил: – А теперь закройте уши, голубя вызывать буду!

– Это как? – тут же заинтересовался Егор. – Ты ведь сказал, что они каждый час пролетают, как по расписанию.

– Это рейсовые, а мы частника тормознём, – пояснил домовой и сунул пальцы в рот.

Кот свернулся клубочком и прикрылся лапкой, мальчик надел капюшон и зажал уши ладонями. Домовой набрал полную грудь воздуха и свистнул – громко, лихо, с переливами, как Соловей-разбойник.

Однако первыми на шум прилетели филины. Грозные птицы-наблюдатели покружили над головами беглецов и, поняв, что к чему, понеслись докладывать лешим о происшествии. Надо было поторапливаться. Привычные к темноте кошачьи глаза заметили новое движение над редкими макушками ёлок.

– Товайищи, большой, жийный, питательный голубь мийа летит пйямо сюда. Жаль, слишком большой, мне с ним не спйавиться...

– Ты мне не вздумай птицу портить, – грозно предупредил Гаврюша. – Бежим навстречу. Гули-гули-гулюшки! Цыпа-цыпа-цып!

Он бросился по тропинке, петляя между стволов деревьев, а от реки неожиданно раздался жуткий рёв:

– Я вам покажу, как меня будить! А ну, скинулись по валенку, контрабандисты! Плати таможенную пошлину-у!

– Водяной, – чуть спал с морды кот Маркс. – Бежим, товайищ!

Егорке было ужасно любопытно посмотреть, какой он из себя, водяной, но обернувшийся Гаврюша поймал мальчика за руку и потащил вперёд. Следом за ними топал ножищами разбуженный водяной. В темноте его практически было не видно, зато хорошо слышно. Водяной хлюпал, как вантуз, фыркал, как конь, и брызгался во все стороны, отряхиваясь, словно ньюфаундленд, а ещё он стонал, повизгивал и выражался, как прапорщик на плацу.

Кто такие прапорщики, как они выражаются и что такое плац, Егор плохо себе представлял, но ему казалось, что это бабушкино сравнение так и липло к водяному. Несколько раз житель стоячих вод поскальзывался и падал, кряхтел, ругался, падал снова, отчего Егору даже стало его жалко.

– Дяденька водяной, мы не нарочно! – крикнул во тьму юный добытчик волшебных животных. – Идите спать, пожалуйста!

– Кто вы такие-то? – донеслось из ночи. – Валенки где?

– Все свои, – не останавливаясь, бросил ему домовый. – А лишних валенок нету, обломись!

– Гаврила, ты, что ль?

– Он самый.

– А чего тогда бежишь-то?

– А я теперь завсегда по лесу бегаю, вот, молодёжь к здоровому образу жизни приобщаю. Давай с нами, рыбошлёп пучеглазый!

– Не-э... А свистел-то зачем? – Судя по громкому шмяку, водяной всё-таки побежал, но снова шлёпнулся.

– Думал, присоединится кто, – вконец оборзел Гаврюша. – Коллективно меж ёлок круги нарезать куда веселее, а?

– Тьфу ты, ёкарный бобёр! – выругался усталый водяной. – Кузьмич?

– Чего?

– Не свисти так больше, рыба пугается, и у меня сердце не железное.

– Ладушки. Спокойной ночи!

Больше их не преследовали. Водяной просто сполз по обледеневшей тропинке вниз, запутался в камышах и стих...

На свободную полянку по сигналу домового наконец-то спустился голубь, правда, в темноте чуть не зашиб всех троих своей корзиной. А далеко за рекой, над частоколом Баюнца центра слышались странные звуки, напоминающие волчий вой и рёв самолётных турбин.

– Ведьмы на вениках за нами гонятся, – тревожно пояснил Гаврюша. – А ну, сизый мерин, лети в небо высокое, страну далёкую, туда, где сказки нет, а есть Интернет, где машин полно и с попкорном кино!

Троица только-только успела занять места в корзине, домовый взялся за вожжи, а преследователи были уже близко. На тёмно-синем бархате чистого неба чётко выделялись воинственные силуэты сторожевых ведьм, похожие на упёртых байкеров, в длинных юбках. Бабки отчебучивали потрясающие фигуры высшего пилотажа, собираясь вместе в один жужжащий улей и разлетаясь в стороны, будто искры. Восседали они почему-то не на классических мётлах, а на коротких вениках, будто на мотороллерах.

Голубь беспокойно замолотил крыльями в воздухе, унося корзину с нашими героями куда подальше. Хоть перед ведьмами он и был ростом с Горыныча, но стаи старых кусачих мошек на дух не переносил. Понимал своими птичьими мозгами реальную опасность...

Егорку поразило то, что на каждой старухе была надета каска с мигалкой, а у многих имелись современные громкоговорители. И впрямь сказка на месте не стоит. Наверное, многие из этих мест в несказочный мир наведывались. Там подсматрывают – здесь наколдуют. Пусть не совсем то, зато внешне похоже и функционирует, а чего ещё надо?

Поначалу ведьмы на вениках здорово отставали, но потом дали газу, и на всю округу были слышны их грозные требования, адресованные в основном голубю:

– Тормози, окаянный!

– Жмись к земле!!

– Крылья за спину!!!

Самое страшное началось, когда их догнали и, выражаясь «пиратским» языком, попытались взять на abordаж.

– Все арестованы! – проорала первая же старуха, которой удалось их догнать и вцепиться руками в край корзины. – За превышение скорости и неподчинение сотрудникам правопорядка у вас будет конфискован незадекларированный кот! Чек на его покупку есть?

– Нет, – честно признал Гаврюша и храбро укусил ведьму за палец.

Та взвыла благим матом, а Маркс помог в две лапы выдернуть из-под неё летательный аппарат. Старуха со свистом спикировала вниз, навстречу ёлкам, а веник остался в качестве трофея за отвагу.

Второй подлётевшей ведьме рыжий домовый свистнул прямо в ухо, разом сделав несчастную инвалидом по слуху. Третья попыталась облететь голубя и зайти с фланга, но неожиданно получила тяжёлый удар клювом по каске и резко пошла на вынужденную посадку.

Четвёртая бабка получила по носу от Егора тем же веником, под аплодисменты кота и домового потеряла управление, после чего стала выделять невероятные зигзаги, пока не врезалась в кого-то из своих товарок. В результате вниз рухнули обе, сами виноваты...

Но в небе была ещё целая прорва летучих наездниц в шлемах, и с каждой надо было что-то делать. В смысле как-то их бить!

– Маркс, знаешь ли ты, что такое электричество? – быстро спросил Гаврюша, пытаясь прикинуть, сколько у него осталось секунд до встречи с очередной байкершей.

Кот подумал и сказал:

– Йазумеется! Пйавда, в теойии. Электйичество пйедставляет собой совокупность явлений, обусловленных существованием, взаимодействием и движением электйических зайядов. Но зачем оно нам сейчас?

– А это, дружище, я тебе на практике объясню. Поди сюды.

Домовой вытащил из карманов вязаные варежки, натянул на руки и принялся растирать кота. Когда заинтригованное животное наэлектризовалось до нужного уровня, Гаврюша нагло использовал его в качестве электрошокера, высунув за химок из корзины и ткнув в пролетающую ведьму. От полученного разряда злобная старуха задымилась, а её транспортное средство резко рвануло вверх, растворяясь в мерцании звёзд.

– Не хочу на пйактике! – проорал баюн. – Безобйазие какое-то, а не электйичество!

Насмотревшись на избиение самых смелых подруг своего отряда, прочие ведьмы сбавили скорость. Друзья видели, как веники свезли наездниц в круг...

– Совещаются, – первым догадался Гаврюша.

– Готовят последний удай! – хрипло уточнил Маркс.

– Эх, ребята! Мне дома не поверит никто! – Егора переполняли эмоции. – Кстати, а чем обычно отвечают на последний удар?

– В нашем случае тйудно пйедсказать исход событий, – философски сказал кот и с надеждой глянул на домового. – Но чаще всего гейоической смейтью! Споём «Интейнационал»?

– Некогда нам песни распевать, тикать надо! – рубанул Гаврила Кузьмич и что есть мочи освистал голубя. – Чего молчим, помогайте! Больше свиста – выше скорость!

Как ни пытался Егорка помогать, засунув пальцы в рот, ничего, кроме слюней и шипения, у него не получалось.

– Я визжать могу, – нашёлся мальчик, опасаясь разочаровать домового. – Мы в садике на тихом часе все этим занимались, в дядю Витаса играли.

Гаврюша пожал плечами и посмотрел на кота:

– А ты чего? Икать будешь или громко молчать?

Маркс ничего не ответил, он делом доказал, на что способен истинный кот. Да, со свистом, конечно, не вышло, но кто, кроме него, мог похвастаться душераздирающим криком? Тем самым кошачьим криком, от которого не спят жители городов...

– Мяу-а-а-а-уй-уа-а-у-а-а-а!!!!

Голубь, слышав охотничий вопль хвостатого хищника, резко прибавил газу на пару километров, но полностью оторваться всё равно не удавалось. Старухи в шлемах с мигалками ушли вперёд, рассредоточились по кругу и растянули огромную сеть.

Егорка переводил взгляд с голубя на ведьм, с ведьм на домового и чуть не плакал от бессилия. Сеть приближалась. Её вполне хватало на то, чтобы накрыть и птицу и корзину. Гаврила свистел, кот орал, но казалось, что физически бедный голубь просто не может выжать больше скорости...

И тогда Егорка закрыл уши руками, открыл рот и завизжал:

– Йи-ий-йи-и-и-а-а-айия-я-я-я!!!!

Результат последовал незамедлительно. Обалдевшая птица на миг впала в состояние комы, перестала махать крыльями и понеслась вниз, увлекая за собой корзину. За ним понеслись и охваченные азартом погони ведьмы. Ёлки внизу быстро увеличивались, обещая самую немягкую посадку. Ну то есть весьма колючую...

Дела в перевёрнутой корзине, летящей вниз, тоже обстояли неважно.

Всех троих пассажиров придавило ко дну, временно выполняющему роль потолка.

Домовой, мальчик и кот молча соображали, за что бы им схватиться, и для начала они схватились друг за друга. Егор ухватил Гаврюшу за ногу, домовый крепко держался за хвост Маркса, а кот прикрыл себе глаза передними лапами.

Метров за пять-шесть до макушек самых высоких ёлок голубь резко вернулся в сознание, испугался и практически на вертикальном взлёте рванул вверх. Корзина ободрала несколько веточек, перевернулась, но, слава богу, никого не выронила.

Силам «правопорядка» повезло меньше. Ловчая сеть накрыла с пару зелёных макушек и повисла, а ведьмы, сверкая мигалками и проклиная в мегафоны всё и вся, сбивая ветки и пугая белок, рухнули в чернеющий лес, будто метеориты.

Мир сказки стал блекнуть, внизу расплзались привычные огни ночной Москвы, и вскоре Егорка увидел, как они приближаются к старому дому в переулке с редким названием Маленькое Гнездо. Прибыли... Уф...

Гаврюша извлёк из-под тулупчика золотые часы на цепочке и, долго разглядывая циферблат, что-то прикидывал в уме.

– В Москве сутки прошли, как мы отбыли.

Егорка разволновался.

– Сутки? То есть целая ночь и целый день?! – Семилетний мальчишка на миг представил, что творится сейчас дома, и понял, как глубоко он влип. Даже преследование ведьм в сравнении с наказанием от родителей отошло на второй план. – Плохо, Гаврюша, очень плохо! Что я наделал?!

– Без паники! – решительно заявил домовый. – Всё будет нормально, в конце концов, друг я тебе или не друг?!

– Хороший вопрос...

Однако Гаврюша сдержал обещание.

Они стояли посреди чердака, такие же, как и раньше, то есть в нормальных для нескучного мира размерах. Обычный мальчик, простой домовый с веником и самый на первый взгляд заурядный кот.

– Вот мы и дома, – с удовольствием потянулся рыжий хитрюга и покосился на Маркса. – Ты уж прости меня, дурака, за шутку с электричеством. Всегда хотел попробовать, да то кота, то повода не было.

Баюн раздражённо фыркнул.

– Но видел бы ты её рожу! – хихикнул домовый и легонько толкнул котика в бок. – Небось до самой Луны долетела!!!

Маркс отодвинулся и продолжил вылизывать грудку, показывая, что разговор его не касается.

– Гаврюша-а! – Мальчик тяжело вздохнул. – Это всё, конечно, хорошо, но как мне быть? Сутки прошли!

– Ах да, спасибо, что напомнил.

Домовой осмотрелся и стал осторожно пробираться сквозь расставленные по чердаку вещи, напрямик к высоким, похожим на лондонский Биг-Бен часам с кукушкой.

– Расслабься, дружок, Гаврила Кузьмич обо всём позаботился...

Встав на стульчик, мужичок перевёл стрелки и трижды ударил по часам, будто по старому телевизору.

– Готово, Егорка, забирай кота и дуй домой. Сегодня – это вчера, и прошло минут пятнадцать, как ты сбежал из хаты, не больше. Устраивает?

– Гаврюша! Гаврюша! – запрыгал юный путешественник в сказку. – Как же я тебя люблю! Спасибо! И за котика спасибо! А пойдём вместе?

– Нет уж, я своё дело сделал. Завтра увидимся. Ты кота, того, сразу не показывай, к себе под кровать заberi. Потом решим, как его лучше твоей бабушке представить. Договорились?

– Договорились, – ответил мальчик и только сейчас почувствовал страшную усталость во всём теле. Он сладко зевнул, подобрал Маркса и осторожно вернулся в квартиру номер три.

Глава четвёртая, в которой бабушку никто и ничто не беспокоит

За папой Вал Валычем водилась дурная привычка появляться в самый неподходящий момент. Так получилось с горящим небоскрёбом из спичечных коробков, недовысуженными яйцами в его парадных тёплых ботинках, бумажными корабликами в ванной, и на этот раз вышло то же самое, когда Егорка посреди ночи, в уличной одежде прокрался в собственный дом в обнимку с котом-коммунистом.

Что мог подумать полусонный мужчина, которого естественная нужда заставила выйти из спальни, при виде одетого Егора с незнакомым котиком на руках? Конечно, он подумал, что уже утро и что он снова безнадежно проспал. Столь безнадежно, что его собственный сын успел и позавтракать, и погулять, и притащить с собой одушевленный предмет, относящийся у семьи Красивых к числу запрещенных. Папа решил поговорить об этом позже и, забыв про нужду, бросился в спальню одеваться. Быстро натянув майку, рубашку и брюки, он случайно глянул в окно – мрак полный, хоть глаз выколи. Вал Валыч потянулся за наручными часами посмотреть, сколько времени.

– Ничего не понимаю, – прошептал он, убедившись, что за окном по-прежнему глубокая декабрьская ночь. – Егор?

Сын заглянул в открытую дверь, предусмотрительно без кота на руках.

– Куда ты ходил? Мы же договорились...

Красивый-младший не умел врать.

– На чердак, – ответил он.

– Ты с ума сошёл! Чердак! – Папа схватился за голову. – Две женщины в доме! Куда они смотрели?

– Да ладно, пап, я сейчас лягу. Неужели ты пойдёшь им рассказывать? – Мальчик выжидательно поднял бровь. В гостиной громко бубнил телевизор, заглушая всё ещё спорящие женские голоса...

Папа прислушался и сказал:

– Нет, конечно! Сын, мы с тобой прекрасно понимаем, что в этой ситуации мне ещё и достанется. – Вал Валыч подумал. – Только выброси кошку в подъезд, и тогда я точно никому ничего не скажу, замётано?

– Папа, Маркс не кошка, он кот, и его нельзя выбрасывать.

– Как ты сказал? Маркс? – Папа улыбнулся.

– Он для бабушки, мы с Гаврюшей купили его за конфетку у Котофея Иваныча, нам очень повезло, ведь баюны такие дорогие, дороже молодильных яблок, а молодильные яблоки...

– Стоп! Хватит! Минуточку. – Папа быстро сгонял до туалета и обратно, после чего продолжил: – Допустим, ты купил его за конфетку, и что с того? Тебе известно, как мы с мамой относимся к животным в доме. И у нас с тобой был разговор на эту тему, помнишь?

– Помню, – горько вздохнул мальчик, вспоминая пролитые когда-то слёзы. И тут вдруг понял, как убедить доверчивого отца. Вот только наврать придётся, чуточку, самую малость. – Папа, – сказал юный лгунишка, – Маркс не наш кот, он бабушкин!

– Тёщин?! – Вал Валыч очумело посмотрел на стену, в направлении гостиной.

– Он просто... убежал, – уточнил Егор, и папа, кажется, начал потихоньку верить. – Понимаешь, пап, она привезла его с собой, но не стала говорить, вы же ругаться будете...

– Будем, – кивнул папа и сладко зевнул. – Ладно, понятно... Маркс, говоришь? Совсем твоя бабуля на политике помешалась. А ведь она, как помнится, никогда не жаловала кошек.

Старость не радость, но пусть она лучше его воспитывает. Может, тогда на меня уже сил не хватит...

– Маркс хороший и умный, он ей очень нужен.

– А тебе нужно спать! Раздевайся и ложись, я завтра с ней поговорю. Возможно...

Папа сделал два шага, упал на кровать, обнял подушку и уснул как был – в тщательно отглаженной рубашке и брюках со стрелками.

Походную одежду Егорка раскидал по вешалкам, а сапожки аккуратно придвинул к стенке, чтобы не вызвать подозрений у мамы с бабушкой. Поначалу картавый баюн сидел посреди прихожей и внимательно наблюдал за сокрытием улик, время от времени отвлекаясь на звук телевизора, доносящийся из гостиной. Мальчик честно собирался отправиться с ним в свою комнату и тихо уснуть, но у Маркса по плану было знакомство со Светланой Васильевной и праздничный революционный ужин по этому поводу.

Мама с бабушкой, достигнув временного перемирия, молча пили чай и смотрели запутанный сериал про любовь, в котором бабушка всех знала не только в лицо, со спины, по именам, но даже довольно точно прогнозировала развитие сюжета. Дверь приоткрылась, и женщины повернулись, ожидая увидеть Вал Валыча, но вместо него в комнату ввалился чёрный котик с молочного цвета пятнами на бровках и лапках.

Александра Александровна от неожиданности выронила чашку, а бабуля, прикрыв рот ладонью, сказала: «Ах!» Когда прибежал Егорка, мама всю охотилась за незванным гостем, стараясь отеснить его к входной двери. Маркс угрожающе выл, шипел, выгибал спину, всем видом показывая, что сдаваться не в его правилах. Светлана Васильевна предпочла не вмешиваться и молча следила за событиями, не сходя с дивана.

– Стой, мама! – крикнул сынишка, загородив собой баюна. – Он со мной!

– Вот ещё новости! – всплеснула руками мама. – Ну-ка быстро уноси это отсюда!

– Саша, ночь на дворе! Куда ты гонишь ребёнка?! – решительно возмутилась бабушка, все сразу посмотрели на неё и...

И вот, как это бывает во всех сериалах, взгляды Светланы Васильевны и шипящего Маркса встретились. Что-то невидимое соединило их, что-то такое, отчего бабушке захотелось сказать «кис-кис». Да, да, той самой бабушке, которая терпеть не могла кошек, собачек и даже милых хомячков-джунгариков.

– Кис-кис! – неожиданно для самой себя вдруг сказала Светлана Васильевна, и кот Маркс, высокомерно не замечая мамы, отправился к дивану, запрыгнул, не спрашивая разрешения, затем улёгся на измученные хондрозом бабушкины колени, мурлыкнул и со знанием дела принялся мять лапками больные суставы. Мама сказала «О боже!» и убежала на кухню пить столь любимую баюнами валерьянку. А маленький Егор с замиранием сердца смотрел на кота и бабюлю.

– Какой умный ко-о-о-тик, – ласково сказала она и принялась наглаживать баюна. – Лече-э-эбный, сразу больное место нашёл. Как тебя зовут? Признавайся!

– Его зовут Маркс! – поспешил ответить Егор. – В сказке он разговаривал, а сейчас чего-то молчит.

– Хорошее имя, – одобрила бабуля. – Всё лучше, чем Вискас или Обама.

Она даже хихикнула – впервые с того момента, как вошла в квартиру Красивых. Теперь бабушка нежно смотрела на чёрного хвостатого котяру и буквально светилась радостью:

– Колени болели страшно, а он лёг, и полегчало! Да разве ж я позволю это чудо выкинуть?! Кому не нравится, пусть сам уходит. Правильно, Егорушка?

Внучек пожал плечами, выгонять из дому обоих родителей была не самая лучшая идея. Конечно, бабуля шутит. В гостиной появилась мама, посмотрела на происходящее квадратными, ничего не понимающими глазами, выключила телевизор, подняла свою чашку и повела Егора в детскую. Помогла раздеться, уложила в кровать и присела рядом.

– Откуда он взялся? – спросила мама, имея в виду Маркса. – Объясни, пожалуйста.

– Мам, – Егор прижался щекой к маминой руке и по-взрослому вздохнул, – ты же всё равно не поверишь.

– Не поверю.

– Ты, конечно, не поверишь, что одну ночь и один день назад мы с Гаврюшей были в тридесатом царстве...

– Не поверю.

– В специальном таком городке, где много-много баюнов, а лешие их недокармливают...

– И в это тоже не поверю. Вон он какой толстый...

– Мы с Гаврюшей были в гостях у старшего кота, Котофея Ивановича, и он даже не продал, а подарил нам этого Маркса, потому что уважает Гаврюшу, но я всё равно заплатил, потому что надо быть благодарным, правда, только одну конфетку...

Мама подняла глаза к потолку и выразительно молчала. Поняв, что разборка сегодня уже не будет, Егор воодушевлённо продолжал:

– Он провёл нас за город, мы вылезли через тайный ход в ограде, и нас чуть не догнал водяной, а потом прилетел голубь и всех нас забрал, но пришлось убегать от целой стаи ведьм. – Мальчик не удержался и зевнул. – Мы отобрали у одной веник, голубь устал, и нас могли схватить, но Гаврюша засвистел, Маркс заорал, а я завизжал, как раньше, в садике... и мы чуть не упали, а они гнались... гнались... а мы...

Мама поправила подушку под головой спящего сына, поцеловала его и подоткнула под бока одеяло, как ему нравилось.

– Слов нет, – прошептала усталая женщина перед тем, как подняться и выйти, – какой дивный лапшемёт! Надо не забыть записать завтра всю эту белиберду, а потом показать ему, как вырастет...

От усталости и впечатлений Егор спал без снов! А проснулся от того, что кто-то трясёт его за плечо. В окна пробивался дневной свет, над кроватью склонилась старшая сестра Глаша.

– Брательник, бабуля и какой-то левый кот передачу с Зюгановым смотрят. С ней всё нормально?

– Да, – потягиваясь, ответил мальчик, – и с котом тоже, он коммунист из сказки.

– Слушай, малыш, а вы с ней вдвоём ели что-нибудь подозрительное? Она тебе таблетки свои не давала? – Пожалуй, впервые Глаша проявила столько участия и обеспокоенности по отношению к брату.

– Нет, а тебе зачем?

– Хочу узнать, в какой аптеке продают такие галлюциногены, и написать в полицию, чтоб прикрыли эту нарколавочку. Ты бы видел этого кота, сидит, в экран уставился, как будто чего понимает! Я в шоке.

– Он всё понимает, только разговаривать перестал. – Егор приподнялся на локте. – Его зовут Маркс.

– По-ня-а-атно, точно таблетки, – угнетённо протянула сестра и отшагнула от кровати. – Пойду-ка я позвоню маме. Спрошу у неё.

Молодая девушка, подозрительно вглядываясь во все углы родной квартиры, будто там могло затаиться что-то незнакомое и враждебное, поспешила закрыться в своей комнате и набрала мамин номер.

Настроение у Егора было замечательное. Да и как не радоваться в его-то положении! Школу закрыли на карантин как минимум до конца недели, а сегодня только вторник. Приключений и путешествий впереди – целая гора! С таким другом, как рыжий домовый, в этом

можно было ни капли не сомневаться! Прискакав в ванную, мальчик пустил воду в раковину, схватил щётку, зубную пасту и занялся любимым делом.

Нет, не чистить зубы и умываться, это скучная принудилровка. А вот рожи корчить перед зеркалом – это да, увлекательно, и любой первоклассник занимается этим по три раза на дню. Нагнав вокруг губ пены из зубной пасты, Егорка раскрыл рот, нахмурил брови и простонал:

– Я водяно-о-ой, я водяно-о-ой! Отдайте свои ва-а-аленки, люди до-о-обрые! Уыа-а-а-а! Уыа-а-а-а!

– Уыа-а-а-а! – донеслось непонятно откуда. – Не дадим валенки, водяной! Самим нужны, ноги мёрзнут! Отвались, мокрехвост, сомовье рыло-о!

– Ты где?! – Глаза мальчишки загорелись от предвкушения встречи со сказочным приятелем. – Гаврюша, ты пришёл?!

– А ты меня поищи!

Егор мигом прополоскал рот, огляделся по сторонам, заглянул в ванну и под полотенца – никого. Он уже готов был обидеться, но тут внимание Красивого-младшего привлекла распахнутая круглая дверца стиральной машины. Знакомая копна рыжих волос высунулась из барабана для белья. И как только Гаврила Кузьмич там уместился?

Хотя что тут удивляться: домовой – существо не из нашего мира. Такой и в мышиную норку пролезет, если захочет. Вот показалась одна рука, затем другая, хитрые глазки зыркнули на мальчика, и вот домовой выбрался на кафель весь, от макушки до самых лаптей.

Егор захлопал в ладоши, так капелька зубной пасты плюхнулась с щётки на нос гостю.

– Гаврюша, что ты делал в стиральной машине? Готовишься в космонавты?

Мужичок не спешил отвечать. Потянувшись от души, как делают после сна, он присел и запустил руку в барабан, после чего протянул малолетнему герою забытый после стирки чёрный носок Вал Валыча.

– Вот, возьми. Если хочешь знать, я озорством глупым не занимаюсь. Думаешь, оно приятно там внутри башкой да задницей к стенкам прикладываться? И где это видано, чтобы домовые в космос летали?! Мы народ оседлый, нам землю подавай, жилище тёплое, избу рубленую или терем не выше третьего этажа... Да и живность какую-никакую мы приветствуем: собак сторожевых, коз молочных или на худой конец тараканов с молью, если ничего приличнее нет. Это, Егорка, называется утренний обход и осмотр хозяйства...

– Ой, ладно! Просто спал там, да? – улыбнулся догадливый Егорка и поставил щётку в стакан. – Не волнуйся, мама не узнает.

Домовой резко сменил тему:

– Кстати о живности. Разговор есть. – Гаврюша с серьёзным видом плотно прикрыл дверь ванной и дождался, пока подшефный ещё раз умоется, стирая остатки зубной пасты аж за ушами. – Знай, Егорий, таракан – первый помощник домового. Если б не эта вездесущая тварь, юркая и проворная, много было бы мне печали. Так вот, покуда дрых ты, мне разведка тайная сообщила, что сюда вот-вот пожалуют лешие из Лысого леса. Знаешь зачем? Правильно, за лечебным котом. Прятать зверя надо, Егорка, пока не поздно.

– Бабуля его не отдаст, – рассудил мальчик, – она теперь везде с Марксом.

– М-да-а-а, – нахмурился домовой, – говорил я тебе, не спеши сразу показывать, дождись! Вот куда ты смотрел?

– Не помню, а куда надо было? – пожал плечами Егор и примирительно улыбнулся, надеясь, что друг знает, как спасти положение.

Меж тем из прихожей послышался звонок – кто-то пришёл.

– Это они. По запаху нас нашли, супостаты! Нос у лешего чуткий, похлеще собачьего. – Домовой притянул к себе Егорку и громко зашептал на ухо: – Есть план! В квартире за стенкой чуть свет маляры иноземные, узкоглазые работу начали, вонища от краски, мама не горюй. Мы там спрячемся с баюном вместе.

– А они нас пустят?

– А они всё одно на обед собираются, сам слышал. Идём, увидишь, как я сквозь стены проскакиваю. Схороним кота на время, чтобы его запах лакокрасочным перебить. Лешие повернутся, след потеряют и обратно в сказку утопают. Всё понял?

– Всё, – кивнул Егорка. – Только вот бабушка не захочет сквозь стену ходить, и запаха краски она не переносит.

– Бабушка здесь останется.

– Легко сказать! Думаешь, она Маркса теперь хоть на минуту с рук спустит?

– Не знаю как, но кота отозвать надо, – отмахнулся Гаврюша и приоткрыл дверку, чтобы посмотреть, кто пошёл в прихожую.

Бабушка подниматься не собиралась, ей было хорошо в компании с баюном и Зюгановым. Когда позвонили раз в пятнадцатый, из своей комнаты выскочила Глаша и раздражённо крикнула:

– Да иду уже! Можно подумать, кроме меня, никого дома нет!

Щёлкнул замок, скрипнули петли. Егорка вытянул шею, пытаясь разглядеть хоть что-то. Он услышал хриплый, срывающийся пожилой голос, напоминающий кряхтение старого мафиози:

– Здравствуй, красавица! Котика я потерял – окрасу чёрного с белыми точками. Собаки побежали за ним, до вашего подъезда гнали, а не у вас ли схоронился?

– Вы кто вообще? – Глаша прикрыла неосмотрительно распахнутую дверь и отступила на полшага.

– Я дедушка леша... – Незнакомец быстро исправился: – Дедушка Лёша. В лесу живу. Скажи, деточка, приходил к тебе котик?

– Щас гляну, – бросила девушка и закрыла дверь.

Леший недовольно зарычал и начал нетерпеливо притоптывать в ритме сальсы.

«Ещё одного психа я не выдержу», – закатывая глаза, подумала сестра и прошла в гостиную. Светлана Васильевна даже не оторвала взгляда от телевизора.

– Бабуль, там к тебе какой-то мужик пришёл...

«Все они жулики и шарлатаны, и так понятно!» – провозгласил Зюганов с экрана.

– Баб, извини, конечно, что отвлекаю, но там странный дед. Я так поняла, он где-то на дачах живёт, за городом. Требуется кота вернуть. По описанию вроде этого самого.

– Глупости! Мало ли кто на кого похож? – невозмутимо повернула голову заслуженная пенсионерка. – Лично я СВОЕГО кота отдавать не собираюсь. Марксик – мой.

– Понятно, – больше самой себе, чем любимой бабушке, сказала Глаша и вернулась в прихожую. На этот раз она предусмотрительно воспользовалась цепочкой. – Извините, но вашего кота у нас нет. Спросите у соседей или лучше...

Странный дед сунул в образовавшуюся щель крючковатый нос, затем ручищу и резко поймал младшую Красивую за запястье. Егор хорошо видел его грязную, корявую, покрытую длинным волосом пятерню.

– А ну отпусти её! – Мальчик оттолкнул хмуращегося Гаврюшу и рванул на помощь сестре.

Глаша застыла, бледная, как холодец. Наверняка леший напустил на неё волшебных чар, чтобы парализовать и проникнуть в дом. Егорка с разбегу всем весом врезался в дверь.

– Уй-й, твою же ма...?! – Злодей миготнул Глашину руку, спасая свою. Дверь захлопнулась, Егор вновь закрыл её на замок, а громкий, противный голос было прекрасно слышно, наверное, на весь квартал: – Уй! Ай! Ой! Чё творится, чё творится! Во люди пошли! Не люди, а ворьё натуральное-ё! Укрывают чужую животную, бесчестно спёртую! Тати! Лиходеи! Жулики столичные-я!

Шум и вопли отвлекли даже непробиваемую бабушку, она высунулась в прихожую и сердито крикнула:

– Глаша, Егор, вы чего там делаете? Нельзя так со старшими, немедленно извинитесь!

Егорка вытянулся в струну, он единственный заметил, как невидимый для окружающих домовый прошмыгнул в гостиную, а бабушка даже бровью не повела. Гаврюшин план по перемещению кота к узбекам начинал исполняться.

– Бабуля! – Старшая сестра быстро разморозилась и столь же резво перешла в стадию кипения. – Я тут ни при чём! Между прочим, скандал из-за твоего кота, и расхлёбывать его должна ты, а не я и не Егор. Послушай сама, что там творится!

От постоянного стука дверь вздрагивала, будто неисправный двигатель, ручка жалобно дёргалась вверх-вниз, слышались противные звуки поскрёбывания, затем последовал удар ногой, и раздался душераздирающий вой с причитаниями:

– Ночами не спи-и-им, растим их, расти-и-им, кормим, по-о-оим, лелеем, хо-о-олим! Никакого порядка нет, никуда Москва не годи-и-ится!

Бабуля внимательно выслушала потусторонние аргументы и, что-то окончательно решив для себя, сдула седую прядь со лба.

– Ну-ка, мальчики-девочки, р-разойдись! – Шаг её был уверенным и мог смутить даже строй конных рыцарей-крестоносцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.